

Александр Куприянов

О! КАК ТЫ ДЕРЗОК, АВТАНДИЛ!

Самое время!

Александр Куприянов

О! Как ты дерзок, Автандил!

«ВЕБКНИГА»

2015, 2021

Куприянов А. И.

О! Как ты дерзок, Автандил! / А. И. Куприянов —
«ВЕБКНИГА», 2015, 2021 — (Самое время!)

ISBN 978-5-9691-2148-5

Две повести московского прозаика Александра Куприянова «Таймери» и «О! Как ты дерзок, Автандил!», представленные в этой книге, можно, пожалуй, назвать притчевыми. При внешней простоте изложения и ясности сюжета, глубинные мотивы, управляющие персонажами, ведут к библейским, то есть по сути общечеловеческим ценностям. В повести «Таймери», впервые опубликованной в 2015 году и вызвавшей интерес у читателей, разочаровавшийся в жизни олигарх, развлечения ради отправляется со своей возлюбленной и сыном-подростком на таежную речку, где вступает в смертельное противостояние с семьей рыб-тайменей. Как водится, в схватке с природой человек в итоге проигрывает, – даже если де-факто выходит победителем. Ностальгическая и чуть грустная повесть «О! Как ты дерзок, Автандил!» – про сентиментальное путешествие маленького мальчика со своими родителями в солнечную Абхазию, про вечную мальчишескую мечту уплыть куда-то далеко в синее море – тоже наполнена «закадровыми» смыслами, уводящими далеко от детских проблем переоценки ценностей. В этой истории о взрослении, рассказанной ярким, насыщенным языком, читатель сможет найти темы, созвучные своему настроению.

ISBN 978-5-9691-2148-5

© Куприянов А. И., 2015, 2021
© ВЕБКНИГА, 2015, 2021

Содержание

Так не бывает? Бывает!	5
Таймери	7
От автора	8
1	9
2	20
3	24
4	30
5	32
6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Куприянов

О! Как ты дерзок, Автандил!

Так не бывает? Бывает!

Ключ к тайнам прозы Александра Куприянова

Две повести под одной обложкой совсем о разном. Их герои очень непохожи друг на друга. Ни по возрасту, ни по характеру, ни по обстоятельствам жизни. Но есть нечто, что очень прочно и таинственно объединяет эти два произведения Александра Куприянова: «Таймери» и «О! Как ты дерзок, Автандил!».

Прежде всего – завораживающая притягательность этой прозы. Начинаешь читать – и уже невозможно оторваться. А когда откладываешь на время чтение – так и остаешься в атмосфере прочитанного. Постоянно ловишь себя на мысли о людях и событиях, с которыми быстро успел сжиться, хочешь поскорее к ним вернуться, чтобы продолжить общение.

Почему так? Ведь, например, в повести «О! Как ты дерзок, Автандил!» некоторое время вообще ничего особенного не происходит. Однако смотреть на жизнь глазами девятилетнего мальчика Нестора сразу становится очень интересно. И важно. Что-то очень серьезное открывается в его порой наивных, а иногда дерзких наблюдениях и размышлениях. Только очень большим писателям удавалось добиваться такого глубокого проникновения в детскую психологию с ее чистотой и драматизмом.

А уж когда сюжет начинает стремительно закручиваться как в одной, так и в другой повести, то напряжение становится таким невероятным и написано это так мастерски, что просто физически ощущаешь себя рядом с героями и вместе с ними переживаешь страх и азарт, надежды и разочарования.

И в этом мастерстве, конечно же, кроется один из секретов прозы Куприянова. Он создал свой собственный стиль, добивается непредсказуемости в сюжетных построениях, а его обращение со словом достигает виртуозных высот. Отсюда и особая эстетика чтения его повестей.

При этом они необычайно содержательны по фактологии. В этом тоже одна из куприяновских фирменных фишек. Масса разнообразных сведений – актуальных и исторических, философских и географических – рассыпана по страницам этих произведений. Это вовсе не искусственный прием, а, пожалуй, проявление многогранной личности и судьбы автора. Он очень много знает. Потому что многое и многих видел в жизни. За его плечами уникальный жизненный багаж – от Дальнего Востока до Альбиона, встречи и знакомства с людьми разных профессий – от знаменитостей до простых работяг.

Да, увлекательность произведений Александра Куприянова во многом объясняется своеобразием его личности. Они интересны, потому что он сам интересен.

Но это не все.

Самое важное и сильное в двух этих повестях, как и во всем творчестве Александра Куприянова, это как раз то, что, судя по всему, составляет предмет его многолетних внутренних поисков и переживаний. Постижение Бога. Любви. Духовных тайн. Об этом не говорится напрямую. Но это главный нерв повествования. А интрига тут не менее крута, чем зримые сюжетные повороты. Вопросы, которые при этом возникают, необыкновенно захватывающие. А ответы неоднозначны и неокончательны. Как любое настоящее творчество. Как настоящая жизнь.

Что же касается собственно сюжетных линий, то и тут появляется нечто общее для двух повестей. Когда кульминацией становится жестокое – не на жизнь, а на смерть – противостояние человека и гигантской рыбы.

Чтобы после Мелвилла и Хемингуэя братья за такой сюжет, надо быть очень смелым автором. Но Куприянов как раз таков. И в жизни. Те, кто близко знают его, могут обнаружить в личности этого человека редкое сочетание отчаянной смелости и глубоко запрятанной, но пронзительной сентиментальности. Жесткость в общении с окружающими необычайно органично переплетается у него с тонкой нежностью в отношении к людям.

И в этом сочетании несочетаемого, возможно, кроется главная тайна прозы Александра Куприянова. Отсюда и своеобразный стиль автора, и рожденный им жанр, в котором сплавлены воедино изящная словесность и документализм, яркий реализм и фантазмагория.

При этом возникает удивительный эффект. Чем более невероятными становятся повороты сюжета и чем причудливее обстоятельства, тем сильнее ощущение реальности происходящего. Все эти чудачковатые персонажи, экстравагантные поступки и чудесные явления вдруг очень глубоко убеждают в правде характеров этих людей. В правде жизни.

И вспоминается знаменитый диалог под весенним дождем в старом добром фильме:

– Но ведь так не бывает.

– А вот бывает.

Валерий Коновалов

Таймери

Таежная повесть

От автора

Повесть «Таймери» писалась по заказу английского издателя, была «громко» названа рецензентом «хемингуэевской традицией в прозе», что, конечно же, лестно, но из-за проблем, не связанных с текстом, книга пока там не вышла. Считаю необходимым сказать об этом, поскольку стилистика «Таймери» может оказаться не совсем привычной для российского читателя. Реалии нового времени принесли много открытий в сфере человеческих отношений, и часто, к сожалению, печальных, а порою просто чудовищных. Многие ценности, достигнутые цивилизацией, подверглись сомнению и были преданы забвению. Хотя ценности эти просты: уважать стариков, любить детей, быть верным в дружбе, искать свой путь к Богу. Сомнению подвергается даже традиционная любовь, которая во все времена была бескорытна. В повести, которая писалась как притча, автор обращается к понятиям, без которых человек не может называться человеком. Главный герой – олигарх, ушедший из бизнеса, со странным именем Димичел борется не с огромным тайменем, которому тысяча лет. Он борется с самим собой, со своей гордыней. Так какова же цена забвению вечных постулатов человеческого бытия?..

Посвящается «Таймери» моим товарищам по многолетним сплавам на реках Севера, Сибири и Дальнего Востока: В. Сунгоркину-старшему, В. Сунгоркину-младшему, И. Саватеевой, А. Саватееву, И. Коцу, А. Бланкову, В. Горяинову, Д. Ушакову, В. Баязитову, Р. Фарзутдинову, Л. Захарову, В. Мамонтову, А. Ганелину, А. Зарубину, В. Чернолуцкому, М. Кожухову и, конечно, Андрею Иллешу, «одинокому ловцу» тайменей на фоне быстрой воды. Его уже нет с нами. Верность Андрея Иллеша дружбе и сплаву, как и верность перечисленных мною выше людей, не может подвергаться сомнению. Да, впрочем, никогда и не подвергалась.

Справка

Таймер (timer, *англ.*) – прибор, автоматически устанавливающий время начала и конца каких-либо процессов.

Таймень (*Nucho taimen, лат.*) – рыба рода таймени семейства лососевых. Длина тела тайменя достигает двух метров, вес – до 100 кг. Хищник, нерестится весной, плодовитость до 40 тыс. икринок. Встречается в России на обширных территориях от Предуралья до восточных окраин Якутии и Дальнего Востока. Относится к древнейшему виду живых существ.

В Монголии, где водится таймень, местные жители не ловят и не едят эту рыбу. По местным поверьям, рыболов, поймавший тайменя, обречен на беду.

1

Его звали Димичел. Недавно ему исполнилось сорок три года. Он носил очки и один раз в неделю, по пятницам, читал Библию. Потом ему становилось грустно. Наверное, от воспоминаний. Он закрывал Библию и поднимался на крышу своего дома. Там, на крыше, стоял телескоп. Димичел мог часами смотреть на звезды. Почему-то особенно его привлекало созвездие Гончих Псов.

«Я Андалузский пес, бегущий краем моря», – напевал он негромко, поднимаясь по высокой лестнице, ведущей на чердак. Он представлял себе рыжую вислоухую собаку, которая бежит вдоль пенного прибоя и, глупая, бестолково лает на набегающую волну. Его жесткие, с мелкими кудряшками волосы действительно отдавали рыжиной. Через несколько лет наблюдений в телескоп он хорошо знал карту звездного неба. Впрочем, астрономом он не был. «Мужчина в сорок лет понимает, что жизнь сделана. Или не сделана. В шестьдесят он понимает, что жизнь закончена, – остались сущие пустяки», – Димичел прочитал эту сентенцию в старом мужском журнале девяностых, в интервью с русским писателем-фантастом Стругацким, и удивился точности формулировок. Он давно подозревал, что именно так все и обстоит на самом деле. В сорок лет многим кажется, что у них все еще впереди. Во всяком случае, «еще проживем». Большинство склонно думать именно так. До сорока, полагал Димичел, надо успеть сделать все или почти все, чтобы в оставшиеся двадцать – двадцать пять, ну от силы (хотя это вряд ли) – тридцать лет, только усиливать свои позиции и укреплять завоеванные рубежи.

В свои сорок три Димичел усиливать позиции перестал. Рубежи укреплял только те, которые касались его лично. Свою прошлую жизнь и достижения в карьере он не отрицал, хотя и не любил вспоминать некоторые истории, которые с ним случались. Да ведь и как сказать... У каждого из нас таких историй в избытке. У каждого свой скелет в шкафу.

Дими, – друзья в прошлой жизни часто называли его именно так, – выглянул в окно. Со второго этажа его дома-башни, необычного для таежных мест, неизменно открывался один и тот же вид. Волны шли с лимана и разбивались о дикие скалы утеса, на котором стоял его дом. Собаки из ближайшей деревни бегали по берегу лимана и жадно хватали выброшенную на гальку волнами серебристую рыбку, которая на местном диалекте называлась уёк. А волны всё шли и шли и разбивались в мелкие брызги. И водяная пыль оседала на окнах. Ему это нравилось. Нравилось все годы, пока он возводил дом, украшал его картинами и обставлял мебелью. Но сегодня он подумал, что нехорошо жить в каком-то сплошном водяном облаке. Ведь море не успокаивалось. Даже ночью. «Нужно заказать отражатели на окна», – подумал Димичел.

Пять лет назад (или это случилось раньше?) Димичел покинул нефтяную компанию, а вместе с ней большие города и экзотические страны. Он вернулся туда, где прошло его детство. Он был вторым человеком в очень известной нефтяной корпорации, которая называлась... В общем, совершенно неважно, как она называлась. Но не «Бритиш Петролеум» и не «Сибнефть». Разумеется, он вернулся богатым. Можно ли жить честнее, если раньше ты жил... «Ну и как же ты жил?» – спрашивал он себя. И отвечал – сам себе: «По законам пришедшей свободы». Но можно ли было то время, которое сменило долгие годы застоя в стране, называть свободным? Вот в чем заключался вопрос. Он дал ответ, покинув нефтяные качалки, и шельфы, и поселки, в которых не было женщин, а мужчины не брились месяцами и ели с ножа мороженую рыбу, которую называли строганиной. И наконец действительно стал свободным. Во всяком случае, ему так хотелось думать. А «скелеты» в его прошлой жизни, конечно же, были. И противное, мокрое и зябкое, облако лжи вперемешку с предательствами окружало его еще совсем недавно. Но свобода, которой все они тогда так дорожили, обернулась для него личными потерями.

Он развелся с женой, оставив ей роскошный дом в парковой зоне Лондона, потому что не хотел делить свою женщину со случайными мужчинами, регулярно возникающими в ее беспорядочной жизни. Да ведь и сам он в те годы не отличался святостью. Дело все в том, что технологии – самые современные технологии по добыче газа и нефти – не приходят в одиночку. Они приводят за собой иной образ жизни. Точнее сказать, даже не образ – способ. Если ты с удовольствием ешь американский ватный гамбургер, то обязательно будешь слушать уличный рэп и носить рваные, по моде, якобы презревших буржуазность бунтарей джинсы. «Ягуары», вертолеты, яхты, виллы, бриллианты, казино, бега и белый порошок, который они называли кокосом, то есть все то, чем они себя тогда быстро окружили, продиктовало Димичелу и его жене сомнительный, с точки зрения нравственности, способ существования. «Мы просто не справились с обрушившейся на нас свободой, – иронично думал про самого себя и своих приятелей Димичел, – ведь она часто приходит нагая...»

Определение «нагая» представлялось ему особенно точным. Кокос его всерьез не зацепил – это мешало думать и принимать точные решения. Так же быстро был пройден путь сексуальных развлечений – от заказа элитных подруг по телефону до вывоза специальным авиарейсом десятков моделей на Карибы. Или – на горнолыжный курорт Куршавель. Кому как больше нравится.

Димичел заскучал от окружившего его суррогата чувств и чувственности и решил вернуться к жене. Их сыну тогда было уже двенадцать лет. Димичел действительно любил свою Лизи, хотя и женился на ней не без расчета. Лизи была единственной дочерью управляющего директора головной компании их концерна по фамилии Корецкий. Они происходили, кажется, из рода шляхтичей в каком-то, четвертом, что ли, поколении. Корецкий выставил одно условие – Димичел должен будет принять католическую веру. Димичел пошел вместе с Лизой Корецкой к молодому ксендзу, и они обо всем очень быстро договорились. Больше того, ему показалось, что католичество как вера более прогрессивно и современно, нежели обветшалое православие. Он именно так считал – обветшалое. Впрочем, как и многие его сверстники, сильно на тему вероисповедания Димичел не заморачивался.

Оказалось, что во все вместе прожитые годы его жена тоже не теряла времени даром. Именно Лизи однажды ночью после грандиозного банкета в президентском отеле шутливо предложила ему заняться свингерством, от которого торчит, оказывается, и сходит с ума вся Америка. И продвинутая Европа тоже. «Мы устали друг от друга, а теперь наши чувства обновятся», – сказала тогда Лизи.

Он согласился: обновятся.

Они прошли по коридору, застланному мягким ковром, и постучались в номер, где остановился со своей молодой женой коллега Димичела – второй вице-президент концерна, сидящий светский лев и любитель дайвинга.

«Она же тебе нравится, я видела», – лукаво улыбнувшись, сказала Лизи и подтолкнула мужа к дверям чужой спальни.

Димичел на банкете несколько раз танцевал с женой вице-президента, прижимаясь к ней всем телом. И он чувствовал, как она трепещет в открытом легком платье. Она даже пошептала ему на ухо, дескать, не сейчас и не здесь. Позже...

Вот теперь это «позже» и настало.

Предложение Лизи совпадало с его собственным желанием. Сама же Лизи нырнула в ванную комнату, где громко плескался «лев». Оказывается, они, все трое, заранее договорились о таком развитии ночного сюжета. И были уверены в том, что Димичел одобрит их яркое хобби. Оно, хобби пресыщенных жизнью людей, заключалось в том, что семейные пары по обоюдному согласию меняются партнерами. Впрочем, не на очень длительное время.

Как-то, примерно через год увлечения свингерством, Димичел поздно ночью очнулся в постели с горничной – грудастой африканкой, ее кожа пахла сладким кокосовым молоком. В то

время в среде нефтяных королей и никелевых олигархов стало модным нанимать горничными и садовниками чернокожие семьи. Димичел завернулся в простыню и направился в столовую за бокалом вина. В открытые двери супружеской спальни – некогда супружеской – он увидел, как его Лизи посыпает белым порошком огромный и почти фиолетовый...

Вспоминать картинку дальше не было сил.

Да... какой-то иссиня-черный, фиолетовый цвет. Чудовищного фаллоса. Почему-то больше всего Димичела возмутило то, как садовник, муж его африканочки, грубо хватает Лизи за пышную гриву волос... Утром он сказал жене. Да, он сказал ей, что она – чудовище! На что Лизи, путаясь в полах шелкового халата, удивленно ответила, что вообще-то она всегда полагала, будто настоящее чудовище – сам он, Димичел.

Глаза у нее были мутные. Садовник уже ушел из спальни.

Без объяснения причин Димичел уволил садовника и горничную. Паскудность ситуации заключалась еще и в том, что садовник и горничная были рекомендованы тем самым светским львом, любителем дайвинга, и его почти юной женой-красавицей, с которой Дими начинал новое сексуальное приключение. Кто же мог подумать тогда, что оно так бесславно закончится. Африканцы проработали у «льва» и красавицы два года и, по всей вероятности, просто им наскучили.

Полногрудая Полин – ее звали Полин, с ударением на первом слоге, получая отступные в конверте (так было предусмотрено контрактом), испуганно вращала белками глаз. Она задала вопрос Димичелу, стараясь быть деликатной – у свингеров главный принцип – деликатность. «Сэр, – спросила она, – мы что-то делали не так? Я не понравилась вам? А вот мэм была очень довольна моим мужем. Он сам мне рассказывал. Может, вы хотите, чтобы мы поменялись местами?»

Значит, был возможен и такой вариант.

Димичел ничего не ответил своей черненькой – несмышленому дитяти природы, он так хотел про нее думать: несмышленное дитя природы. Фиолетовый фаллос и алчный рот. Его белокурой Лизи. Экая bestия, право слово. Самому садовнику он также не сказал и слова. Димичел запер жену на вилле и приставил к ней охранников. Лизи бунтовала и звонила в полицию нравов, заставляла нового садовника добывать ей кокос, а может, она пыталась проделывать с ним и другие полюбившиеся ей штучки... Дело закончилось демонстративным вскрытием вен в бассейне. Лизи откачивали тайно – в морском госпитале. Но скандал подхватили вездесущие таблоиды. Президент корпорации пригласил Димичела к себе в кабинет и попросил оздоровить атмосферу в семье, поскольку описание их с Лизи походов вместе с фотографиями африканца-садовника и его жены, опубликованные в желтой прессе, не добавляли положительного имиджа их компании. При разговоре присутствовал второй вице-президент, тот самый светский хлыщ, любитель подводного плавания, который и втянул Димичела в «групповуху». Он важно кивал головой и значительно поддакивал. «Да, – говорил он, – репутация компании превыше всего!»

Разумеется, после того как Дими подал в отставку, получил свою долю и отступные, «лев» занял место первого вице-президента. Любопытно было бы узнать, вернулась ли к ним в услужение афроамериканская пара – натирать паркетные полы и опылять экзотические розы.

Впрочем, Дими не знал, опыляются ли розы?

Просту говоря, Димичела с работы выдавили. Или – выгнали, кому как больше нравится. Ему же хотелось думать, что он покинул нефтяную компанию по нравственным соображениям. Из-за черной прислуги, мужа и жены, которых в новом времени нельзя было называть «негритосами» по причине охватившего весь мир нового угара – фанатизма политкорректности. Их надо было называть «африканцами».

Димичел развелся с женой. Он хотел забрать у нее сына. Но отец Лизи по-прежнему был влиятельным человеком, и после курса лечения в специальной клинике суд подтвердил материнские права Лизи.

Сначала Димичел много путешествовал по миру. А потом вернулся в устье Большой реки, на берег лимана – в те места, где прошло его детство и где он вырос. Здесь, неподалеку от метеостанции, управляющим которой был когда-то его отец, а мама давала уроки в единственной музыкальной школе расположенного неподалеку городка, он построил из крепкого камня высокий дом, одновременно похожий на замок и на башню. Замок всегда вызывал зависть и раздражение соседей – рыбаков и охотников, чьи семьи гнездились в полудомах-полуземлянках на склонах пологого холма. Особенно им не нравилась вертолетная площадка Димичела, устроенная прямо на крыше. Дом стоял на краю утеса, того самого, о который разбивались волны и который на всех картах морских лоций был обозначен как мыс Убиенного.

На сей счет имелась отдельная история, которая казалась ему символичной. Много лет назад местные жители, верившие в добрых и злых духов – сэвэнов, сбросили с мыса православно-священника-миссионера. Священник привел в здешние места первую корову и поил молоком ребятишек аборигенов. Одна девочка умерла. Наверное, она умерла от чего-то другого. Может быть, от простуды. Но шаман стойбища обвинил в смерти своего конкурента – человека в черной рясе. Разгневанные соплеменники шамана привели безвинного на мыс и сбросили на грозные скалы. Позже пришли другие люди в рясах, и они-то и назвали печальный утес мысом Убиенного. А шамана изгнали из деревни. И он переселился в близкую тундру, на Студеные озера, переполненные сигом и хариусом. Там он и умер – в одиночестве, среди своих идолов, выструганных из чурочек.

Никто никогда не знает, думал Димичел, как люди расплатятся с тобой за достижения цивилизации, которые ты им принес, и в каком богом забытом краю ты закончишь свою жизнь. Никакой борьбы религий, похоже, не существует вовсе, просто одни с детства привыкли пить молоко, а другие – не видят в нем толка. Потому что они пьют живую кровь оленей во время забоя, едят сырое мясо и мороженую рыбу.

Как человек, воспитанный системой, Димичел был склонен к обобщениям. Для одних, полагал он, правила жизни, определенные людьми в черных рясах, заключаются в том, что им можно безбоязненно есть свинину и без меры употреблять алкоголь, но делать детей положено с одной женщиной, и, самое главное, нужно ходить в храм и бесконечно каяться в нарушении заповедей, а потом вновь грешить. А для других уготовлен целый выводок жен, правда, укрытых в паранджу с головой. Алкоголь пить нельзя, но зато можно курить кальян. При желании – с душистой травкой. Очень важно попутно ненавидеть тех, кто ест свинину. По ту и другую сторону двух запретов находятся проворные толкователи священных книг, которые умело сталкивают курильщикова кальяна с едоками свинины, именно они и приводят толпы фанатов к пропасти, которую потом называют мысом Убиенного. Если добавить фонтанирующие нефтью скважины, которые государства никак не могут поделить между собой, врезающиеся (по причине все того же дележа) в небоскребы самолеты, митинги антиглобалистов, бесконечные революции в славянских государствах, жандармские ухватки Америки и пафосные речи политиков всех стран о толерантности, а также умирающих от голода и от непознанных вирусов африканских детей, то может получиться законченная картина современного мира. А на краю мира, на мысе Убиенного, стоит его дом-башня.

Так думал Димичел.

Разумеется, он отдавал себе отчет в том, что слишком грустно и слишком примитивно этими сентенциями объяснять творящиеся вокруг него безобразия. Если бы все было так просто! Однако выстроенная им схема работала как часы. Что подтверждалось событиями, за которыми он наблюдал по телевизору.

И с годами, прожитыми на мысе Убиенного, он все чаще сталкивался с примитивностью людей и подсмеивался над телепередачами, в которых министры, писатели-фантасты, политологи и философы до хрипоты спорили о путях развития человечества. «Take it easy», – часто говорил он им, сидя в теплом и удобном кресле перед телевизором, что в переводе с английского могло бы означать «Спокойно, парни, глядите на мир проще». У ног его лежала овчарка по кличке Адель.

После чтения Библии и наблюдения ночного неба в телескоп он сильно сомневался в том, что оставшаяся половина жизни у него впереди. Хотя к сорока годам он достиг всего, чего должен достичь в жизни человек его возраста. Он построил дом – и не один, даже поставил нефтяные вышки в океане, написал книгу и родил сына. Правда, пока еще не воспитал – сыну было семнадцать лет. И деревьев он тоже насадил достаточно. Целый английский сад с яблонями и грушами – в том своем первом доме, который оставил пять или уже шесть, а может, тысячу лет назад, и где жила его бывшая жена с сыном.

Устройство же нынешнего дома Димичела могло удовлетворить самый притязательный вкус. Здесь не было той вызывающей роскоши с обязательными позолотой, мрамором, лепниной, витражами в окнах и мозаикой на полах, которая присуща виллам нуворишей без роду и племени.

Дом Димичела отличался простотой, удобством, изысканностью. Подлинные картины мастеров и гобелены прошлого века, природная естественность отделочных материалов – мореный дуб, полированная сосна, карельская береза и ливанский кедр. В доме также присутствовала дорогая художественная ковка – перила лестниц, люстры в просторной столовой, бра в коридорах, каминные и балконные решетки были от итальянских мастеров. В буфетах стояло итальянское же стекло – цветные бокалы, рюмки и вазы с острова Мурано. На окнах висели английские шторы в нежных, салатного оттенка тонах, и английской же, тяжелой, в темной зелени кожи и велюра, была мебель. Некоторые детали интерьера и убранства были просто скопированы с его бывшего дома в Лондоне, который он, конечно же, когда-то любил.

В новом доме помимо столовой, веранд и спален располагались бассейн, кинозал и библиотека, она же – кабинет хозяина. Дорожки, беседки, каменные стенки и фонтаны окружавшего дом сада, а также и розарий, экзотические кусты, цветы и деревья – все было тщательно ухожено и инспектировалось Димичелом один раз в неделю. В доме работали садовник, плотник, повар, две домработницы, одна из них прачка, шофер и управляющий делами – люди, нанятые из ближнего городка. Того самого, где когда-то мать Димичела музицировала в школе.

Помимо всего прочего, дом был напичкан современной аппаратурой – от домашнего кинотеатра, персональных компьютеров и спутникового телевидения до астролябии, мудреных морских приборов и телескопа, в который Димичел смотрел поздно ночью, после чтения Библии. Телескоп стоял на крыше дома, на той самой площадке, куда прилетал вертолет.

Димичел прилег на кожаный диван, взял фотографию паренька с упрямо сжатыми губами, стоящую в грубоватой деревянной рамке на тумбочке рядом с диваном, и подумал, что сын весь в него. Такой же упертый и уверенный.

Только упертые и уверенные мальчики делают жизнь с нуля. Они ставят нефтяные вышки на островных шельфах, пишут бестселлеры о влиянии нефтяных корпораций на международный терроризм, сажают сады и берут в подруги самых красивых женщин. Они возводят дома из камня в диких местах, они бесконечно играют и никогда не проигрывают.

Так думал Димичел. Такая у него была философия.

Не очень новая и не бесспорная, но он придерживался ее, потому что, как ему казалось, еще ни разу не проиграл. Во всяком случае, думал, что не проиграл, несмотря на сокрушительный крах семейного счастья. И не только семейного. Димичел отказывался признавать свое поражение в компании. Кому-то он явно мешал, если при первой же возможности, после

скандалов в желтой прессе, ему предложили продать свой пакет акций и выйти из нефтяной игры. Кому? Старому распутнику и развращенцу, дряхлеющему «льву» – любителю свинга, ставшему первым вице-президентом?!

В поражении было трудно признаваться.

«Нет, – все время поправлял себя в мыслях Димичел, – я не вышел из игры, расставшись с Лизи и с шельфом. Я просто поменял правила».

У кого-то на кону золото и нефть, а у кого-то честь и заповеди. Кому что! Проблема в другом – рулетка жизни после сорока крутится все быстрее, а запасы нравственности, в отличие от залежей нефти, на игровом поле казино, похоже, нельзя замаркировать фишкой. Или вбить заявочный колышек. Во всяком случае, опытные игроки не ставят одновременно на то и на другое. Вот бензин и чистая вода, ведь они не смешиваются друг с другом. Бензин плавает на поверхности, затягивая гладь воды радужной пленкой. Красиво. Ничего не скажешь. Но из такого ручья уже не напиться. Пленка ведь не просто радужная, она радужная ядовито. К тому времени, когда он ушел из бизнеса, Димичел осознал еще одну истину: чем больше он богател, тем меньше оставалось у него настоящей жизни. Во всяком случае, он так думал.

Он лежал на диване и вспоминал обидные эпизоды своего прошлого, когда его философия победителя входила в противоречие с практикой жизни.

Одно время Димичел занялся благотворительностью. Он уже мог себе позволить делиться. Помогал целому маленькому народу на Дальнем Востоке, боги которого были выстроганы из чурочек, принесенных морем, возводить жилые коттеджи, детские сады и школы. Детей северного народа, раскосеньких и черноволосых, он отправлял учиться в соседние страны и загорать на пляжах южных морей. Дети прекрасно рисовали и пели, начинали быстро овладевать компьютером. Но и на благородном поприще очень скоро нашлись люди, которые вовлекли Дими в подозрительные фонды с теневой бухгалтерией, и их отличие от первых – примитивных и не очень нежных – накопителей капитала заключалось в том, что понятия откат, кеш и кидалово они заменили на правильное слово лоббирование. В итоге получилось, что Димичел оказался причастным к разворовыванию благотворительного фонда и едва отбился от судебного иска.

Радужная пленка бензина не только не исчезала с поверхности реки его жизни, она проникала внутрь бытия и отравляла желания. И уже тогда он начал делать ошибки. Не в бизнесе – в жизни. Он не приехал на похороны матери. Отец погиб раньше, он утонул в лимане во время шторма. Президент компании предложил ему свой самолет, но Дими остался на шельфе, потому что запускали новую буровую, и он знал, что все равно не успеет на тихое, заросшее елями кладбище, где рядом с отцовской могилой появится еще один холмик. Владыкинское – вот как называлось кладбище, где нашли последний приют его родители, и можно было догадаться, что именно так кладбище называли люди в черных рясах, пришедшие на мыс Убиенного. Ведь до сих пор неизвестно, что владеет человеком более – жизнь или смерть.

Однажды он не спас друга своего детства. А ведь мог спасти. Достаточно было позвонить прокурору округа и нанять столичного адвоката. Но президент концерна на закрытых совещаниях настоятельно рекомендовал им не связываться с криминалитетом. Все тот же пресловутый «имидж компании». Потом его друга, кажется, невинного, посадили в тюрьму и забили там в беспредельной уголовной драке арматурными заточками. Когда Димичел приехал в родные места, родители парня ни в чем его не упрекнули. Но теперь они всегда проходили мимо, отвернувшись и демонстративно не здороваясь с Дими.

Потом он предал некогда любимую женщину и нашел тому оправдание в новых своих увлечениях, которые опрометчиво называл «любовями». А когда, не найдя достойной замены, решил вернуться в семью, жизнь подкинула ему новое испытание, и он прошел его с большими потерями.

С тех пор он возненавидел фиолетовый цвет и негров. Которых уже никто не называл неграми. Их называли афроамериканцами. Но он ведь не был расистом? Он просто не мог забыть ту картинку в семейной спальне. И то, как запер свою жену в огромном доме и запретил ей появляться на людях и как она наркоманила, резала вены, а потом тихо спивалась в компании нового садовника и его жены – гувернантки.

Но сын подрастал, и его надо было воспитывать.

Вспоминать свои ошибки – дело не из легких. Еще тяжелее признавать их. Он уважал себя за то, что сумел порвать с прошлой жизнью. Но больше всего он сейчас думал о том, как избежать ошибок в будущем. Мечты о хорошем и правильном дурманят разум, даже если тебе уже за сорок и ты думаешь, что жизнь проходит. Тебе где-то далеко-далеко, на самом доньшке души, кажется, что все еще поправимо, стоит только... Ведь хватило же у него сил остановиться и поставить на кон другие – правильные, как он считал, фишки. Но вот вопрос: можно ли начать новую жизнь с понедельника? Похудеть и сбросить с себя прежние одежды? Бегать по утрам трусцой вдоль кромки моря? Не нырять в постель к чужим женам? Не играть на бирже и помогать нищим и убогим?

Между тем сегодня утром Димичелу стоило не мечтать и предаваться философии, навеянной Библией и звездным небом, а заняться вполне конкретными делами. Позвонить в город и попросить одного из своих менеджеров, контролирующих по его поручению котировки (биржа – последняя уступка правилам прошлой жизни), встретить сына, утренним рейсом прибывающего на летние каникулы к отцу. Затем ему предстояло сделать еще один звонок – своему пилоту по имени Минигул. И заказать на три часа пополудни свой личный вертолет.

Сын давно просился с отцом на рыбалку. Димичел замыслил свозить его в таежное урочище на горной реке, в так называемый Большой каньон, чтобы ловить тайменей – огромных рыб, теряющих осторожность и бдительность во время весенне-летнего икромета.

Ловля тайменей на спиннинг с давних пор, с тех самых, когда он с геологами бродил по тундре и горам в поисках нефти, стала страстью Димичела. Их вываренные, высушенные и отлакированные головы с хищно раздвинутыми челюстями украшали стену в библиотеке Дими. А на столе у него, конечно же, лежала знаменитая повесть «Старик и море». Ее написал бородастый американец. Еще он написал про праздник, который всегда с тобой, и считался культовым писателем целого поколения. Хемингуэй.

Бородастый папаша Хем сам ловил огромных рыб и охотился в Африке на львов. Он стал необычным писателем и даже свою повесть, которую, в общем-то, по большому счету, Димичел считал репортажем, назвал рассказом. Его звали Эрнест. И Хем все время пил виски с содовой, и герои его пили виски с содовой, и он, и его герои побеждали львов и леопардов. Пили и побеждали.

Человек – самый сильный зверь на земле. И потому он побеждает. Всегда. Даже если твой соперник – матерый лев с косматой гривой или таймень весом в сто килограммов. Или... белый порошок кокос. Или похоть, которую люди называли свингом.

На всякий случай он заглянул в англо-русский словарь и нашел точный перевод слова *swing*. Словечко оказалось занятным, в различных соединениях давало разные значения. Все они каким-то непостижимым образом имели отношение к тем сексуальным забавам, которые увлекли одно время Дими и его жену. «Качаться», «качели», *swing the deal* – «завершить сделку» и, наконец, *in full swing* – «в полном разгаре». Особенно ему понравилось «завершить сделку».

Его сделка с жизнью, находящаяся в состоянии «полного разгара», завершилась. И он, нужно признать, не вышел безусловным победителем из сложившихся обстоятельств. Из бизнеса выкинули, правда – хорошо заплатили; сына отняли, разрешив два-три раза в год встречаться.

А ведь обстоятельства он побеждал всегда, победа во что бы то ни стало была его принципом. Значит, принципы случалось нарушать...

Пить виски с содовой Дими начал недавно, оставаясь по вечерам один в огромном и гулком доме. Только он и его собака Адель.

Именно в тот момент, когда он собирался наконец встать с дивана и выслать машину в город за сыном и за Катрин – своей последней, хотелось надеяться, любовью, она служила осветителем в местном драматическом театре и называла себя художником по свету, – в кабинет без стука вошел управляющий и занудным голосом сообщил, что, оказывается, у нас опять проблемы с аборигенами.

Оказывается, овчарка Димичела по кличке Адель задрала соседскую курицу.

И еще, он сказал, что деньгами сегодня, похоже, не откупиться.

Димичел хотел заметить, что деньгами откупаются всегда, но зануда управляющий продолжил.

– Они сейчас придут к воротам, – говорил он, – с несчастной мертвой курицей. И еще, – говорил он, – собака Адель ни в чем не виновата.

И он говорил, и говорил, и голос его, как метроном в детстве на маминых занятиях в музыкальном классе, болью отдавался в голове Димичела, становясь причиной возрастающего раздражения. Ему хотелось думать о Катрин и о сыне, о предстоящей охоте на тайменей – сильных и прекрасных рыб, а приходилось выслушивать нудные жалобы управляющего и решать, что делать с провинившейся Аделью.

– Вы лучше закажите отражатели на окна от водной пыли, – попросил управляющего Дими, брезгливо снимая очки в тонкой итальянской оправе-проволочке – по последней моде. Он положил их на тумбочку, где стояла фотография сына. – Объясните наконец, при чем здесь Адель и какая-то курица, – попросил он. – И еще объясните своим местным, что они не выживут меня с мыса Убиенного, что я скорее выкуплю с потрохами всю их несчастную деревню с полуразвалившимися домами, даже уже не домами, а хижинами, и дырявыми фелюгами, и такими же дырявыми сетями, нежели возьмусь лоббировать их интересы в муниципалитете.

История с курицей, которую задушила Адель, скорее расстроила Дими, чем развеселила. Адель была крупной немецкой овчаркой, чепрачного окраса сукой, дрессированной и благородной. Димичел любил свою собаку. Она не бегала по краю моря и не хватала пастью серебристых рыбок. И она, конечно же, не должна была откусывать голову какой-то жалкой деревенской курице, даже если курица и нарушила суверенную территорию Адели.

Димичел отдавал распоряжения насчет отправки джипа в город, подбора блесен и спиннингов для вечерней рыбалки и просил подготовить большую коробку со льдом и заменить куртку гортекс – «ну, вы знаете, ту, мою любимую» – на последнюю, камуфляжную канадку, и еще, просил Димичел, обязательно подготовьте блесны-«мыши» на ночную охоту за тайменем... В общем, пока он озадачивал своего управляющего подготовкой к таежной вылазке, Димичел думал об очень принципиальных, с его точки зрения, вещах.

Даже звери и домашние животные не выдерживают маргинального окружения. Они становятся частью среды. Той примитивной среды, в которую они попадают. И ведут они себя соответствующим образом – так, как принято себя вести в определенном, то есть маргинальном, социуме. Они должны откусывать наглым курицам головы, задирать ногу на колесо любого припаркованного автомобиля, даже если этот автомобиль – королевский «роллс-ройс», гадить на газоны, жадно хватать выброшенную волной на берег рыбку-уёк и драться за кость с дворовыми псами. А если они люди, то должны по вечерам надираться в местной пивнушке пива, обильно сдабривая его самогонкой или хреновухой – дешевой, но крепкой водкой, курить кальяны со шмалью, орать похабные песни, цапать местных бабешек за тяжело колышущиеся груди и похлопывать их по вислым ягодицам.

Примитивность своих поступков они объясняют естественностью нравов, а банальность истин, которыми живут, называют мудростью. «Take it easy» – начертано на их знаменах, а трубы трубят, и очень скоро, поддавшись соблазну легкой наживы, ты становишься новобранцем в их армии. Ты просто становишься в строй новых горлопанов. И вот уже вождь-командир на плацу, а может, и с броневичка, доносит до тебя простую истину: красоту и сложность мира, равно как и понятие собственность, говорит он, выдумали богатые, знатные и слишком грамотные люди. Может быть, кстати говоря, задиристые студенты. Или, вполне вероятно, высокомерные евреи. А уж нахрапистые банкиры – точно! Они выдумали и обосновали свою теорию для того, чтобы захватить последние не принадлежащие им богатства на Земле – нефть, газ и золото. И потому вновь собравшаяся под знамена справедливости армия, а вслед за ней и остатки обманутого человечества, не обязаны строить замки и украшать их картинами для тех, кто летает на собственных вертолетах и выходит на яхтах в море. А те, кто имеет всё, должны поделиться с теми, у кого нет ничего. То есть с рабочими, крестьянами, рыбаками и простыми бродягами, которых называют бомжами и клошарами, живущими под мостами и на свалках. Если же богатые не согласятся на передел, мы заберем у них силой то, что создано нашими руками. Да, мы, честно говоря, их ограбим! Но мы ограбим грабителей, и мы не допустим нарушения границ территории нашего личного обитания! Потому что мы – армия, и несть нам числа! Нам, собирающим пустые бутылки на перронах грязных вокзалов, нам, выходящим в лиман на рыбалку с рваными сетями, нам, с клетчатými сумками в руках, снующим по рынкам секонд-хенда, нам, надевшим черную форму охранников офисов и банков, – нас таких полстраны! А на вилле нефтяного магната мы устроим детский санаторий. А еще лучше – мы подожжем ее! Чтобы на освободившейся площадке возвести новое здание. Мы наш, мы новый мир построим!

И вот уже кто-то из новых поборников справедливости пускает твоей вилле красного петуха. Глубокой ночью. А можно и днем – не обязательно ведь в темноте. Любимая забава революционеров всего мира – мочиться в муранские вазы, кромсать ножами картины мастеров, гадить на паркетные полы, насиловать жен владельцев дворцов, брать в топоры их челядь и с вилами идти дальше – уже на власть, по дороге поджигая и грабя поместья и замки...

Вот как думал Димичел. Все так знакомо. И таким образом все случилось уже не раз. Дими покачал головой. Может, он излишне драматизирует? Подумаешь, овчарка откусила голову курице...

Димичел сделал усилие над собой и еще раз глянул в окно. «Take it easy». Иначе и тебе откусят голову. Как той несчастной курице.

У высоких кованых ворот, которые открывались автоматически, его уже ждали. И он увидел их издали. Два старых рыбака с лицами, словно вырезанными из коричневого камня, и в резиновых тапках-вьетнамках на босу ногу, скуластая женщина в черной косынке с окровавленной курицей в руках и молодчик в джинсовом костюме, которого Дими отлично знал. Молодчик представлял профсоюз рыбаков и рыбообработчиков. Было хорошо слышно, как молодчик разглагольствует, размахивая руками. Он разглагольствовал именно так, как и предполагал Димичел. Демагог.

– Они захватывают наши земли, наши поля и наши тони для сетей. Нам скоро негде будет рыбачить. Они презирают нашу веру и молятся своим богам.

Вот именно. Своим богам.

«Хорошая вера», – усмехнулся Димичел. Тот поп, с мыса Убиенного, так и не доделал свое христианское дело, правда, молоко они пьют, но деревянных божков-сэвэнов по-прежнему хранят в чуланах. И абсолютная чушь – неизвестно когда и как появившиеся в их домах кальяны! Ну почему кальяны и крест? По всей вероятности, в начале ушедшего века в деревню заглядывал не только священник, но и мулла?

Истоки местной веры давно интересовали Димичела и сильно забавляли его, потому что гремучая смесь ортодоксального православия, чуть ли не старообрядчества, с примитивным мусульманством здешнего населения озадачила бы любого богослова. Он даже купил Коран и принялся читать и его. Библия и Коран. Честно говоря, большой разницы он не заметил.

А ведь еще в местных верованиях присутствовали мистика, оккультизм и шаманизм в каком-то искаженном, явно исковерканном временами и обычаями виде.

Профсоюзник между тем размахивал руками так, словно репетировал выступление перед толпой на митинге в защиту рабочих прав. И разглагольствовал:

– Сначала они нападают на наших куриц... (Женщина, поправив сбившуюся косынку, высоко подняла над головой свое окровавленное знамя – безголовую курицу.) А потом они развращают наших детей и жен! – Уже почти орал молодчик. – Они захватили и ограбили полстраны, понастроили себе замков, они тайно поддерживают экстремистов, а потом обвиняют нас в терроризме!

И тут Димичел вышел за ворота. И первое, что он сделал, – извинился перед пожилой скуластой женщиной за причиненный не по его, вы же понимаете, воле урон, предложил разумно компенсировать потерю. Потом он за руку поздоровался с каждым из рыбаков и попросил деятеля рабочего движения об отдельной встрече в их профсоюзном комитете.

Молодчик скривился.

– Может быть, мы пройдем к вам за ворота, вы же знаете, у нашего профсоюза в поселке нет даже жалкой конторки.

Но Дими был тверд и незваных гостей в дом не пригласил. Он только сказал профсоюзнику, что готов обсуждать вопрос приобретения за разумную цену комнаты-офиса для их комитета. Потом он взял из рук женщины задранную собакой курицу, в карман ее фартука сунул купюру, добавив, что суммы будет вполне достаточно. Вновь пожал рыбакам руки, пригласив их через пару деньков заглянуть в местный бар на рюмку крепкого. Но рыбаки покивали – в том смысле, что самогонку они не пьют, они всю жизнь курят кальяны. О, опять ваши несурьзные кальяны! Дими тоже согласно кивнул: ну хорошо, тогда покурим кальяны, и в конце беседы, которую он считал исчерпанной, Димичел добавил, что пес – нарушитель конвенции – будет наказан.

Делегация обиженных удалилась. Деньги вновь сработали безотказно. Димичел удовлетворенно хмыкнул.

Однако слово свое он решил сдержать. Не ради людей, но ради сохранения благородства своей собаки. Среди маргиналов можно выстоять и не опуститься до их уровня самому, противопоставив уродливой среде дисциплину, культуру и волю.

Когда он вошел в вольер, куда управляющий предупредительно загнал виновницу инцидента, Адель посмотрела на Дими виноватыми глазами и, словно провинившаяся школьница, опустила голову.

Дими держал в руке жалкий комок окровавленных перьев. Потом он, брезгливо оттопырив нижнюю губу, сказал:

– Какая же ты сука, Адель! – и со всего размаху ударил овчарку обезглавленной курицей.

Волна непонятной ненависти, даже не к собаке, а к кому-то или к чему-то поднималась в нем. Может, к джинсовому ублюдку из профсоюзов. Не защитнику рабочих прав, а обыкновенному вымогателю и провокатору, который много о себе воображает, мнит себя новым вождем и выстраивает намеки про развращение жен и детей.

Дими твердо знал, что так надо было сделать – наказать провинившуюся собаку. Справедливости наказания, еще в детстве, учил его отец – опытный, в свободное от метеозанятий время, рыбак и охотник.

Димичел проводил урок возмездия за прегрешения домашнего зверя перед человеком. И приговаривал: «Какая же ты, Адель, сука!»

Овчарка прятала голову в лапах и жалостливо скулила. Но Дими продолжал бить собаку по голове и в конце концов не в силах больше сдерживать гнева, душившего его, стал тыкать курицей в морду Адели.

Адель подняла голову и глухо зарычала на хозяина.

– Ах ты, гадина какая, – сказал Дими, – еще и рычишь, а ведь ничем от них не отличаешься, так и норовите нагадить на паркет и урвать бесплатный кусок, тебя надо выгнать на помойку!

Так он сказал и нанес последний удар овчарке по голове – самый сильный, размахнувшись настолько, насколько позволяла рука.

В следующую секунду Адель стремительно кинулась на хозяина. Инстинктивно защищаясь, Димичел выбросил свободную руку вперед.

Из ранок, двух аккуратных дырочек на его правой ладони, оставленных клыками у большого пальца, брызнула кровь.

Наверное, там много кровеносных сосудов, подумал Дими, иначе чего бы кровь брызгала таким фонтаном?

Он зажал рану носовым платком, вернулся в кабинет на втором этаже и налил в стакан виски.

Адель, некрасиво сгорбившись, осталась стоять в углу вольера.

Она опустила морду.

2

Тайму было сто лет. А может, ему было двести.

Рыбы живут дольше людей. Если люди не поймают их в сети и не разрежут брюхо, добывая придуманное для себя лакомство – икру. Придуманное, потому что икра, в своем первозданном, природой определенном, смысле, не предназначается для питания. Она предназначена для продления рода. Из икринок вылупляются мальки, они скатываются в океан и возвращаются назад серебристыми рыбами. Было бы странно, если бы люди пожирали семя друг друга, предварительно посолив его до нужной кондиции и закатав в консервные банки.

Рыбы из рода Тайма могли прожить и тысячу лет. И Тайм знал, что впереди у него – вечность. И он никого и ничего не боялся.

Тело Тайма было упругим и сильным. Коричневое со спины, оно заканчивалось красно-оранжевым хвостом. Бока Тайма украшали серебристо-черные пятна, по линиям напоминающие кресты. И когда он проплывал по солнечным плесам, кресты бликовали в почти хрустальной воде горной реки. Тайм был самой красивой рыбой на речном пределе.

Правда, его левую жаберную крышку портил глубокий шрам. Много лет назад сюда пришел человек. Тройным крючком и стальной блесной, замаскированной под рыбку, он зацепил Тайма на глубине и поволок к берегу. Боль была невыносимой. И Тайм запомнил ее.

В тот раз леска оборвалась, а блесна просто выболела вместе с хрящами и однажды отвалилась, упав на дно. На жаберной крышке Тайма образовался глубокий рубец. Постепенно он зарос, но Тайм теперь был меченым.

Из глубокой зимовальной ямы Тайм, медленно работая сильным хвостом, выплывал на главный поток реки. В скалистом каньоне река делала крутой изгиб. Другое течение, огибающее материковый берег, вырывалось из-под скалы. В месте слияния двух рукавов закипала пена. Здесь, в галстук двух протоков, образующихся во время весеннего паводка, играла, выпрыгивая из воды, речная молодежь.

Потом река словно спотыкалась о невидимый каменный порог, и стремительный бег ее перерастал в плавное течение. С двух сторон реку зажимали каменные откосы. Длинный плес, глубокая яма с водоворотами у скального прижима и долгая коса – любимое место весенней охоты Тайма. Люди называли это таежное урочище Большим каньоном. Они прилетали сюда на вертолетах, потому что коса была удобной площадкой, ставили палатки и доставали из тубчехлов спиннинги.

Наступило время, когда река наконец-то очистилась ото льда. Огромные деревья, снесенные ледоходом, разметало по косам. Там, где бешеный паводок подмыл берега, образовались заломы и заводи. Особенно хороши были ямы у скальных отвесов – чистые и глубокие, они словно гигантские насосы реки втягивали в себя с пенного галстука мелкого сига и хариуса. Можно было встать на границе течения и каменного обрыва и охотиться.

Только такая сильная рыба, как Тайм, могла позволить себе часами стоять на каменном пределе, борясь с течением. Тайм широко открывал пасть, и мелочь, выброшенная потоком в яму, сама становилась его добычей. Казалось, что Тайм процеживает реку через себя. Да так оно и было. Потому что на реке Кантор не было рыбы сильнее Тайма. Никто не мог нарушить границ его владений.

Люди придумали им название. *Nucho taimen* – вот как они их называли. Из семейства лососевых. Научная классификация тайменей была такой: «Царство – животные; тип – хордовые; класс – лучеперые рыбы; отряд – лососеобразные; семейство – лососевые; род – таймени».

Хордовым рыбам люди определили подцарство, оно называлось подцарством эуметазоев, и, в свою очередь, в нем выделялись подтипы. Подтип головохордовых иначе назывался цефа-

лохордовым, а подтип оболочников делился на асцидии, огнетелки, или пирсомы, сальпы, бочоночники и аппендикулярии.

Особенно вкусным людям казалось определение «аппендикулярии». Впрочем, огнетелки тоже было ничего. Жаль только, что сами слова-термины нельзя было съесть, зато рыбу люди охотно ловили, и занятие рыболовством стало одним из древнейших промыслов человека на Земле. Многие, окружавшие Христа, были рыбаками.

Лучеперых люди разделили на ганоидных и костистых, и очень быстро узнали, что первые лучеперые рыбы появились около 350 миллионов лет назад, в конце девонского периода. Лучеперые обладали ганоидной чешуей. На смену им, около двухсот миллионов лет назад, пришли костистые рыбы.

И уж совсем несложно, показалось людям, костистых рыб, иначе – телеостеев, поделить на клюпеоидных, араваноидных, ангвиллоидных, циприноидных, атериноподных, параперкоидных, перкоидных и, в конце концов, батрахтоидных.

Подотряды запросились вполне логично, как бы сами собой: тарпонообразные, гоноринхообразные, миктофообразные, араванообразные, клюворылообразные, мешкоротообразные, спиношипообразные, сарганообразные, атериноподные, перкопсообразные, бериксообразные, китовиднообразные, солнечникообразные, опахообразные, колюшкообразные, слитножаберникообразные, скорпенообразные, иглобрюхообразные, присоскобрюхообразные, удильщикообразные. В одних только перкоидных насчитывалось одиннадцать отрядов.

А ведь были еще угре-, сельде-, треско-, сомо-, окуне-, лососе-, камбало-, корюшко- и кефалеобразные! Их со счетов никак нельзя было сбросить. Потому что они регулярно попадали в сети.

Сами люди, еще с древних времен, не хотели жить просто. Они придумывали схемы и классифицировали мир. И рыб загнали в схему, словно в рыболовную сеть с мелкой ячейкой.

А на самом-то деле его звали просто – Тайм. Время.

А ее – Таймой. И она плыла где-то рядом, может быть, у верхнего переката. И он все время чувствовал ее присутствие, потому что в зимовальной яме они стояли бок о бок. И еще потому, что рыбы умеют слышать, видеть и чувствуют колебание воды на многие десятки километров.

А на той самой пенной стрелке, где кормилась молодь, сейчас резвился их Тайми. Ему было уже пять лет. И ему нравилось стремительно проходить вдоль каменного обрыва, распутивая рыб помельче и послабее. Тайми, живущий в реке сам по себе, всегда помнил, что рядом, на границе ямы, стоят Тайма и Тайм, готовые прийти к нему на помощь.

Тайми еще не был хищником. В полном смысле слова. Он кормился личинками ручейников и веснянок, но вкус мальков, которых он изредка хватал на мелководье, нравился ему все больше, и он уже не хотел есть одних только насекомых.

По правде говоря, сам Тайм был сыт. Двух самок горбуши, наполненных мелкой, но жирной икрой, он перехватил ночью на нижнем перекате. Тайм жил по законам природы, где сильный всегда побеждает слабого. Горбуша шла на нерест – к верхним теркам глухого урочища. Тайм поднимался туда не однажды.

Терками назывались места икрмета лососевых. Ближе к осени терки обретали некую таинственность. Темно-зеленая вода здесь застаивалась под берегами, в заводях – в начале сентября уже плавал желтый лист. И пахло тленом. Горбатые лососи бесконечно кружили по заводям, охраняя оплодотворенную икру. Они должны были умереть здесь, и многие умирали. Перед смертью лососи приобретали экзотическую расцветку. Оранжевые, красные и фиолетовые полосы украшали их уже вялые и обескровленные к той поре тела. На спинах лососей вырастал горб, а нижняя челюсть, щерясь желтыми зубами, воинственно выдвигалась вперед. Но то была только видимость угрозы. Лососи, охраняя свое будущее потомство, отпугивали

только прожорливую речную мелочь и птиц, прилетающих на терки клевать оплодотворенную икру. Хищники крупнее, приходящие из тайги – лиса, енот, россомаха – спокойно добывали себе здесь пропитание.

Обессиленные лососи навсегда засыпали у ямок, где из икринок, присыпанных илом и мелкой галькой, должны были появиться мальки. Тушки мертвых рыб плавали на поверхности заводей, цепляясь за подмытые водой коряги и кочки у берега, устилали галечники кос. И тогда появлялись медведи. И они жрали замор.

Тайм жил по законам природы. Он мог бы хватать обессиленных рыб, сколько захочется. Но закон, по которому он жил в реке, был прост: только сильный может позволить себе брать столько, сколько нужно для жизни. Не больше. Потому что и сегодня, и завтра, и через тысячу лет он добудет себе все, необходимое для того, чтобы часами стоять на каменном пределе, преодолевая течение реки.

Тайм уплывал с терок в свои глубокие, с чистой водой ямы. Таймени не могут жить в мутной воде. И они не питаются падалью.

Тайм проплыл вдоль каменного уступа и повернул к верхнему перекату. И он увидел Тайму. Красиво шевеля плавниками, словно оглаживая свое желто-серебристое тело, она направлялась к Тайму. Наступало время бережного плаванья друг подле друга, то есть время любовных игр и икромета. Рыбы из породы Тайма собирались на весенний нерест. Обычно так случалось в мае, сразу после ледохода. Но иногда нерест мог продлиться до конца июня.

Впрочем, слово «нерест» тоже придумали люди. Они даже подсчитали количество икринок, которое Тайм должен оплодотворять. Это какое-то невероятное количество – сорок тысяч! Но если из тысяч вырастет хотя бы еще один Тайми, род Тайма сохранит свою жизнь на реке.

Время нереста на реке называлось Таймери. И оно включало в себя многое, что до сих пор хранилось в таинстве зачатия новой жизни. От прыжков-пируэтов самок на перекатах до молочного облака самца, накрывающего желто-оранжевую поляну икринок.

Тайм развернулся, проплывая вдоль каменных полок, уходящих ступенями под скалу, и здесь вновь, уже в который раз, заметил на дне блесну. Ту самую, которая когда-то причинила ему столько боли.

За долгие годы блесна, зацепившись крючком в расщелине, поблекла и «заилилась», то есть обросла речной тиной. Но один ее краешек, который терся о камень, по-прежнему оставался светлым и бликовал в луче солнца.

Тогда тот человек, который пришел в урочище и обманул Тайма, никак не мог справиться с молодой, но уже очень сильной рыбой. Человек стоял на каменном уступе и изо всех сил крутил катушку спиннинга. Удилище спиннинга согнулось в дугу от сопротивления и мощных ударов Тайма хвостом по воде. Кажется, в те времена еще не было таких спиннингов и катушек, которые выдерживали бы предельные нагрузки. А может быть, сам человек был рыбаком неопытным. Или наоборот – очень хитрым. Он то подводил рыбу к берегу, то вновь отпускал ее на глубину. Можно было подумать, что человек мучает свою жертву. Он заставляет рыбу устать, вымотаться, наглотаться воздуха и потратить последние силы. Чтобы затем спокойно вытянуть добычу на берег.

Когда до каменного уступа, на котором стоял человек, оставалось совсем немного, Тайм неожиданно для рыбака устремился в яму под скалой. Леска зазвенела над перекатом и закрипела в воде: «Пиу-пиу!» Катушка затрещала в руках человека. Тайму удалось поднырнуть под каменную полку. Край уступа оказался острым, с неровными скальными зазубринами. И леска перетерлась о край скалы.

Оставшаяся на нижней челюсти блесна мешала движению и охоте. Тайм прикасался железкой к осклизлым камням, пытаясь избавиться от боли. Он зарывался головой в мелкий галечник вдоль пологих, а иногда и обрывистых кос. Он разгонялся снарядом и стремительно

проходил вдоль гранитных стен, пытаясь трением, на ходу, вырвать блесну. Но крючок-тройник крепко засел в челюсти Тайма.

Прошел, наверное, год. Река снова избавилась от льда. А Тайм за зиму избавился от блесны. Она отпала вместе с хрящами и нежными тканями, прикрывающими жабры. Блесна упала в каменную щель, навсегда зацепившись за гранит стальным крючком.

Блесна на дне реки, от которой Тайм освободился, стала для него знаком новой жизни. Зимой, подо льдом, блесну не было видно. Но как только весенний паводок ломал ледяной панцирь реки, унося рогатые коряги и отполированные стволы, как только вода избавлялась от черного цвета мутных ручьев, бегущих со склонов сопок, кусок железа на дне начинал пускать солнечные зайчики. Пятнышко света пробивало толщу глубокого в том месте омута. Лучик отраженного солнца доходил до самой глади долгого плеса. Так возникал знак того, что время Таймери наступило.

Тайма коснулась плавником мощного тела самца. И она первой пошла вверх по течению. Тайм всегда разрешал ей первой идти на икромет.

3

Дими сделал первый крупный глоток.

Теперь ему надо было обработать рану и убить Адель.

Собака, напавшая на хозяина, не имеет права на жизнь. Таков закон природы. Руку дающего не кусают. В схватке со зверем, в самый опасный момент, такая собака может предать человека. Она может напасть на него со спины, когда человек будет стоять лицом к зверю.

Отец сказал Димичелу, что собаку нужно наказывать за прегрешения перед человеком. И он запомнил закон сильных людей, выходящих один на один с хищником. Запомнил его потому, что детство Дими тогда уже заканчивалось и начиналось отрочество. На границе детства и отрочества память человека становится отчетливой. Она почти такая же острая, как на границе старости и смерти. Димичел, правда, редко охотился. Он больше рыбачил. Но закон надо было исполнить в любом случае. Иначе нарушится порядок жизни.

Димичел смочил платок в стакане с виски и протер рану. С тыльной стороны ладони, у большого пальца, были видны следы клыков Адели, но они уже не кровоточили. На верхней стороне следов от зубов овчарки не осталось, но рука заплыла бордово-фиолетовым синяком. Адель – сильная собака, но насквозь ладонь она не прокусила. «Наверное, она пожалела меня», – подумал Димичел.

И в момент, когда он так хорошо подумал о своей собаке, раздался телефонный звонок – так Димичел называл странный физический эффект, который с некоторых пор стал беспокоить его, Димичелово, сердце.

Если в левый нагрудный карман рубашки положить мобильный телефон и опцию «стили оповещения» поставить на «вибровывоз», то некое дрожание будет возникать в районе вашего сердца всякий раз, когда вам кто-то позвонит. Если же телефон убрать из кармана, то ни о каком дрожании не может быть и речи. Вполне логично. Но в том-то и дело, что вибрация, похожая на телефонную, абсолютно немотивированно звучала в его сердце без всякого присутствия аппарата в нагрудном кармане. Димичел пытался высчитать причины и периоды возникновения странного дрожания. Но ничего вразумительного, объясняющего этот эффект, придумать не мог. Сегодня звонок был слабым, и он не повторился.

Димичел допил виски и позвонил в город знакомому врачу. Он сказал, что его укусила собака, и она была не бродячей, просто – домашняя собака, хотя и укусила достаточно сильно. Тварь этакая!

– И, – спросил он врача, – надо ли делать укол от столбняка или бешенства?

Врач помолчал несколько секунд, наверное, он соображал, какой пес мог укусить олигарха, сидящего в каменной башне, отчетливо почмокал губами – врач был старый человек, а потом сказал, что рану нужно обработать спиртом, перевязать, а уколы, ворчливо сказал он и уточнил – от бешенства – надо делать обязательно, какой домашней ни была бы ваша несчастная собака.

– А почему она несчастная? – удивился Дими.

Сердце у него опять нехорошо задрожало, потому что он всегда догадывался об особой пронизательности старого лекаря, который, наверное, вычислил Адель, поскольку бывал в доме на мысе Убиенного.

– Я представляю, что вы сделали с собакой, – сказал доктор.

Можно было понять, что он быстренько высчитал не только собаку, но и ее хозяина.

– Еще не сделал, – поправил Дими. И сухо попросил доктора приехать к нему на виллу, чтобы правильно обработать и перевязать рану, а также сделать укол. – Ваши хлопоты будут хорошо оплачены, – сказал Димичел. – И еще я хотел бы рассказать вам о своем сердце.

– А что вы хотите мне рассказать о вашем сердце? – спросил доктор.

Димичел коротко рассказал о «телефонных звонках» – без деталей.

– Похоже, у вас аритмия, – сказал доктор. – Надо сделать электрокардиограмму и хорошо бы вам отдохнуть. В вас накопилась усталость. Не обязательно физическая. Ну хорошо, так и быть – сейчас приеду, и я послушаю ваше сердце.

В телефонную трубку было хорошо слышно, как он вздохнул.

Доктор ехать, на самом деле, не очень хотел – у него были посетители, но, по-стариковски ворча, шаркая ногами и пришептывая, он стал собирать медицинский чемоданчик. Он не возражал, потому что знал: молодой (во всяком случае, молодой для него) человек в очках с мыса Убиенного заплатит ему за один визит столько, сколько он получает за месяц от крестьян и рыбаков, приходящих к нему с расстройством живота, запоями или воспалением десен – от бесконечных простуд и дурного питания.

Доктор сел в старенькую машину-японку с правым рулем и по хорошей дороге – ее тоже проложили до города строители, нанятые Димичелом, – покатыл на мыс, вдающийся острым углом в лиман. Из города мыс Убиенного был хорошо виден, но ехать до него нужно было не менее получаса.

Дими налил вторую порцию виски, выпил и достал из шкафа-сейфа, вмонтированного в стену, шестизарядный бельгийский карабин. Обоймы лежали отдельно – в сейфе-чемоданчике «Протектор».

Дими стрелял хорошо, он изредка ходил на медвежью, волчью и лисью охоту, но, по правде говоря, стрелять не любил. Больше всего он любил спиннинговую рыбалку на горных реках. Но в той среде людей, где он обитал долгое время и где его принимали за своего, принято было охотиться – у всех были дорогие коллекционные ружья. Димичел старался соответствовать правилам, когда-то не им придуманным и установленным.

– Значит, надо ее убить, – вслух произнес Дими. – Вот и доктор понял, что нужно делать с собакой, укусившей своего хозяина.

Обойма с патронами, вставляемая в карабин, сухо щелкнула.

Он хотел выпить третью порцию виски. Но не стал, подумав, что рука может дрогнуть. Еще он подумал, что это надо сделать побыстрее, потому что совсем скоро приедут из города Катрин, сын и доктор, и не очень-то удобно при них стрелять в собаку.

Он небрежно, как в фильмах про ковбоев, вскинул карабин на плечо и спустился со второго этажа. В подсобной комнате-сушилке, расположенной рядом с котлом, обогревающим дом, он, явно не торопясь, переоделся в другую куртку. Потому что управляющий уже выполнил его просьбу. Вместо любимой одежды, сшитой из водонепроницаемой ткани гортекс, Дими надел новую – так называемую канадку, которую ему настоятельно рекомендовали в магазине охотничьих и рыболовных товаров.

– Ну-ну, посмотрим, – вновь, кажется, вслух, как будто по-прежнему убеждал сам себя все-таки испробовать хваленую продавцами одежду, произнес Димичел.

А может быть, он имел в виду вовсе даже не куртку, а что-то другое. Например, оставлял для себя некий зазор, чтобы прийти посмотреть на провинившуюся собаку и только потом принять окончательное решение: убивать ее, мерзавку, или оставить в живых.

Он протер замшевой салфеткой очки, на голову надел бейсболку с длинным козырьком. Стрелять он привык именно так: в охотничьем камуфляже, напоминающем армейскую амуницию. После университета Димичел два года служил офицером в разведке десантного батальона. А бейсболка совсем не мешала целиться, если ее повернуть козырьком назад. И, если нужно, она всегда прикрывала глаза от солнца.

Хотя какое солнце может быть в вольере, подумал Дими, там не может быть никакого солнца, потому что вольер сделан с нависающим тентом. И вообще он длинный, вольер. Он скорее галерея, которая тянется вдоль всего забора, и нужно перекрыть ход, чтобы она не бегала

от меня по всему периметру. Все-таки она большая предательница. Его любимая собака по кличке Адель.

Решение было принято. Его надо было выполнять. Димичел редко отменял свои решения. Да практически он никогда их и не отменял, потому что сомневающиеся люди раздражают. Они становятся суетливыми. И они проигрывают в рулетку и промахиваются на охоте в самый неподходящий момент.

Димичел потер ладонью о ладонь. Руки были влажноватыми. Димичел поймал себя на мысли, что ему на самом деле не очень-то и хочется делать это. Но он сказал себе, что воспоминания о прошлом расслабляют волю. Одна из любимых поговорок Дими. И он вошел в вольер.

Посмотрим, подумал он еще раз. Мы еще посмотрим. Все-таки сомнения одолевали его. Он старался гнать их прочь. Адель была единственным живым существом в большом и, несмотря на огромное количество мебели и картин, пустом доме. Долгие вечера они сидели вместе у камина. Человек и собака. Сейчас Димичел волновался и даже не замечал произносимых слов. Ему казалось, что он размышляет молча, про себя, но на самом деле все происходило не так. Его мысли вдруг начинали звучать вслух, а может, алкоголь делал свое дело, и теперь, когда он шел к вольеру, поток сознания прорывался, словно ручей из-под таежной коряги. Так бывало с ним на охоте. А может, так случилось еще и потому, что, оставшись один на один с собакой, Димичел часто разговаривал с Аделью. Ему казалось, что овчарка внимательно слушает и понимает его. Если бы рядом с ним сейчас находился посторонний человек (да хотя бы тот же управляющий), он не смог бы разобрать, где хозяин бормочет вслух, а где он просто думает...

Адель не собиралась убежать от хозяина. Она лежала в углу, положив крупную голову на вытянутые лапы.

«Какие у нее мощные лапы, – подумал Дими, – такие лапы совсем не предназначены для того, чтобы душить кур. Они предназначены для того, чтобы гнать зверя, а потом прыгать ему на загривок. На загривок зверя, а не хозяина». А может, он говорил вслух. Адель повела ушами.

Димичел вошел в вольер, аккуратно притворив за собой дверь, сделанную из крупной металлической сетки, Адель подняла голову и посмотрела на хозяина. Адель была умной собакой. Димичел мог отдать руку на отсечение – она уже все знала, смотрела виновато и даже отводила глаза.

– Какая же ты сука, Адель, – сказал Дими и снял карабин с плеча.

И щелкнул предохранителем.

Мало того что ты связалась с какой-то несчастной курицей, говорил он, ты еще осмелилась напасть на меня, своего хозяина, который кормил тебя со своей руки вот с такого возраста. И он показал перевязанной ладонью, какой была Адель, когда ее щенком привели в его дом. Расстояние от ладони до пола вольера было не больше двадцати сантиметров. Дими даже пришлось наклониться, поставив карабин прикладом на дощатый пол, чтобы обозначить беззащитность того щенка овчарки, какой была Адель пять лет назад, когда местные пограничники за ящик пива отдали ее Димичелу.

Со стороны можно было подумать, что поджарый и стройный и действительно еще достаточно молодой человек, правда, с седыми висками, уговаривает сам себя что-то сделать и заранее оправдывается перед окружающими его людьми за нечто проделанное им.

Но вокруг – и на дворе, у вольера, и в самом вольере – не было ни души. Получалось, что все он говорил для себя и для своей собаки, которую собирался убить.

«Зачем я себя уговариваю», – подумал Дими.

И еще он вдруг вспомнил о том, что матерые уголовники, перед тем как выстрелить из пистолета в человека или нанести ему удар ножом, сознательно распяляют себя, чтобы легче, с необходимым в таких случаях куражом совершить убийство. Он про это читал в какой-то

книге или видел в кино. И уже почти забыл о поразившем его тогда факте. А сейчас вот почему-то вспомнил.

Он также вспомнил, что эскимосы и чукчи в северных поселках, где ему довелось работать, разведывая нефть, самым большим человеческим грехом считают убийство собаки.

Почему-то все это сейчас вспомнилось.

Адель уже сидела, строго и тревожно глядя в лицо хозяина и прислушиваясь к его словам.

Димичел передернул затвор, загоня патрон в ствол карабина, и вскинул оружие к плечу, широко расставляя ноги, чтобы приобрести необходимую в таких случаях устойчивость для стрельбы.

В следующий момент Дими содрогнулся. Он почувствовал, как холодные струйки пота поползли по его спине.

Адель, сидящая метрах в десяти от хозяина, в самом дальнем углу вольера, распласталась на брюхе. И медленно поползла к ногам Димичела.

Было видно, как подрагивала черно-палевая шерсть на ее холке. Задние лапы Адели волочились по доскам. Она скулила даже не жалостливо, а как-то по-детски, словно всхлипывала, и ползла с помощью передних лап, низко опустив голову и в то же время стараясь глазами поймать взгляд человека, который собирался стрелять в нее. Когти передних лап царапали доски, и если бы не когти, то возникало бы полное ощущение, что к ногам Димичела ползет человек. И даже не человек, а скорее подросток. И он просит пощады.

Адель просила хозяина не убивать ее. Адель просила пощады.

Тяжелый спазм, какой-то комок или сгусток горячего воздуха, а может, оборвавшиеся нервы, подкатил к горлу Димичела. Он явственно ощутил во рту запах крови. И он опустил карабин. Дими вспомнил, как Адель любила его и какой верной она была собакой. Он просто не мог не вспомнить. А может быть, он думал об этом постоянно, пока собирался убить ее.

Неужели воспоминания о прошлом действительно расслабляют волю человека?

Управляющий рассказывал ему, что Адель начинала скулить и взвизгивать, и метаться по вольеру, когда Димичел возвращался из города на своем «лендровере». Она могла распознать звук дизельного двигателя его автомобиля за добрых два десятка километров. А может, она просто чувствовала приближение хозяина по каким-то другим признакам, например по запаху. Говорят, что собаки обладают таким предчувствием. Адель лаяла, прыгала на сетку, ее выпускали из вольера, и она садилась у ворот, и ждала столько, сколько было нужно для того, чтобы хозяин вернулся домой.

Если Димичел уезжал надолго, то первые два дня собака отказывалась принимать пищу. Она лежала часами, уронив голову на лапы и не обращая внимания на суету людей вокруг. Наконец Адель выпускали из вольера, и она тут же поднималась на второй этаж, в кабинет Дими. Она находила его свитер, рубашку или брюки, в конце концов, ее устраивали даже его домашние мягкие туфли. Она ложилась рядом и грозным рыком предупреждала каждого, кто пытался отобрать у нее вещь или сманить вниз, на кормежку. Наконец она успокаивалась, начинала есть и гулять по участку, но за сутки до возвращения Димичела вновь садилась у ворот.

Самой большой наградой для собаки был момент, когда хозяин пускал ее в свою спальню. Адель никогда не прыгала на постель, но устраивалась на коврик у кровати, обязательно – в ногах. Так она охраняла сон Дими. В любое время, ночью ли, ранним утром, когда он просыпался и вставал, Адель вскакивала и замирала статуэткой, и внимательно, одними глазами, следила за каждым жестом и движением Дими, готовая выполнить любое его пожелание, а не только приказ.

Когда Катрин, любимая Димичела, оставалась на ночь в доме, хозяин выпроваживал собаку из спальни. Она почти не ревновала его к красивой женщине с распущенными черными

волосами. Но всегда ложилась у закрытых дверей, с обратной стороны, и уже никто не мог потревожить покой хозяина и его женщины. Если Катрин начинала постанывать и кричать, а такое с ней, конечно же, случалось, собака настораживалась и удваивала свою бдительность, словно понимала, что в такие моменты и подавно никто не может приблизиться к спальне. Сама Адель уже познала материнство. Своих первых трех щенков она принесла весной прошлого года, и теперь они стали собаками-подростками, и жили у надежных людей.

Воспоминания достаточно быстро промелькнули в сознании Дими. Он окончательно понял, что не сможет убить свою собаку. Он вспомнил еще и о том, как она спасла его, провалившегося под весенний лед, на протоке Кантор.

Димичел опустил карабин и протянул руку к голове Адели. Он хотел, в знак примирения, погладить ее. Но жест оказался неловким – резким и угрожающим. Собака его движение поняла по-своему.

Адель вскинулась на задние лапы и сделала прыжок, зависнув над Димичелом. Он понял, что сейчас собака собьет его с ног и растерзает.

Интуитивно он отшатнулся назад, неловко пристукнув прикладом карабина о дощатый пол вольера. Раздался выстрел. Карабин стоял у ноги Димичела почти вертикально, а перевести его на предохранитель он просто не успел. Или не догадался. Боек сработал. При лучшем исходе, пуля могла попасть в живот собаки, но она размозжила ей голову. Осколки костей, кровь и вышибленные мозги забрызгали стенку вольера. Капли крови и мозга запачкали также полы его новой куртки. Димичела замутило, как же так – я ведь не убивал ее, почему карабин выстрелил... Спазм готов был вырваться из горла, он, пятясь задом и с ужасом глядя на поверженное тело собаки, выскочил из вольера. И уже бежали на звук выстрела старик-садовник и управляющий.

У старика-садовника тряслись губы. Он дружил с Аделью. Они каждый день устраивали шутиливую возню на газонах, нападая друг на друга.

– Вы что же себе позволяете, – сказал садовник, глядя на кровавую лужу, расплзающуюся по полу вольера, и на распластанное тело собаки. – У него тряслись уже и руки, когда он открывал дверь вольера. – Вы думаете, что вам позволено все, вам позволено убивать собак на глазах у людей, – приговаривал садовник, садясь на корточки перед Аделью, – а в следующий раз вы захотите пристрелить кого-нибудь другого...

– Я не хотел убивать Адель... Вернее, сначала я хотел ее убить. Собака напала на меня, – сухо сказал Димичел и показал перевязанную руку. Он уже справился со своим отчаянием. – Я пришел мириться, и она напала на меня вторично – уже в вольере. Карабин выстрелил произвольно, от удара приклада о пол... Вы лучше возьмите «кёрхер» и помойте вольер!

– Хорошенькое дельце – пришел мириться с карабином, – возразил старик. Он уже почти плакал.

– Собаку, которая нападает на хозяина, пристреливают, потому что она может предать на охоте, – сказал Дими, уже обращаясь больше к управляющему, нежели к старику-садовнику. – Но это правда: я раздумал ее убивать. Я хотел ее погладить по голове, а она снова прыгнула на меня. Адель просто сошла с ума! Карабин выстрелил случайно...

– Ничего я здесь мыть не буду, – сказал старик, – вы же не ходите на охоту, кто на вас нападет?! Вы же ловите тайменей. Таймени не нападают. Имейте в виду, вам за все придется ответить.

Хорошенькое дельце. За все. За что – за все?! Он еще и угрожает.

Длинные волосы на проплешине старика-садовника слиплись, потому что на голове и на лице у него выступил пот. А серебристая щетина на его щеках проступила отчетливо, и Димичел подумал, что привычки людей из деревни не меняются, хотя он не раз просил садовника бриться перед приходом на работу.

Всю жизнь старик был рыбаком, а потом его перестали брать в лодку, потому что он уже не мог тянуть оханы – тяжелые сети, сплетенные из веревки толщиной в палец, предназначенные для ловли калуг, огромных рыбин – гораздо больше тайменей, обитающих не только в большой реке, но и в лимане. Старик был очень доволен, что попал на работу в замок на мысе, рыбаки так и называли дом Димичела – «замок», он дорожил своим местом, потому что на заработанные деньги учил внука в городском колледже кассиров, бухгалтеров и банковских операторов.

– Если вы не вымоете вольер, вы будете уволены, – сухо сказал Димичел.

Садовник возразил, что по контракту садовник не должен мыть клетки с убитыми собаками.

И вновь какой-то тумблер щелкнул в сознании Дими. Или опять сработал «телефонный звоночек»? Он коснулся рукой нагрудного кармана – телефона там не было. Значит, что-то с головой. Димичел вновь не мог отличить свою речь от собственных мыслей вслух. Более того, ему стало казаться – то же самое происходит с окружающими его людьми¹.

Да, согласился Димичел, садовник не должен мыть клетки с убитыми собаками, в основном он должен рыхлить землю и ухаживать за розами, но я вас прошу о дополнительной работе, и она будет оплачена отдельно.

Старик вспомнил, что внук давно просит принтер, и сейчас предоставлялся удобный случай, чтобы заработать. Хозяин заплатит любые деньги за то, чтобы смыть следы своего подлого выстрела в вольере.

Нет, сказал старик, я все равно не буду это мыть.

Тогда вы уволены, сказал Дими.

И замечательно, сказал старик, так мне и надо, я давно хотел попросить вас о таком одолжении. С нашим превеликим удовольствием, сказал он, но отвечать вам придется. Уж поверьте мне, обязательно придется! Как-никак мне скоро помирать.

Давит на жалость, подумал Димичел, «помирать» ему скоро. Они здесь, на своем мысу Убиенного, по сто лет живут, до старости курят кальяны и лапают своих жопастых теток.

Садовник вытер руки, хотя он и не прикасался к убитой собаке, о грубые штаны полувоенного комбинезона и, не оглядываясь, направился к воротам.

За расчетом приходи завтра, сказал ему в спину управляющий.

Старик-садовник, по-прежнему не оглядываясь, помахал коричневой от многолетнего загара, с проступившими старческими пятнами рукой. А может, пятна проступили от ожогов солнца, которые рыбаки всего мира считают раком кожи. От рыбацкого «рака» кожи еще никто не умер.

Тут Димичел вспомнил, что у американского писателя Хема на коже были такие же пятна.

Помойте вольер, заверните в мешковину тело собаки и отвезите на берег протоки Кантор. Там, в распадке, выройте яму и закопайте Адель, сказал управляющему Димичел, сегодня же подыщите нового садовника.

Управляющий молча разматывал пластиковую катушку-бухту на колесиках с резиновым шлангом и подключал «кёрхер» – немецкий мочный аппарат, с помощью которого они мыли машины и дорожки в саду.

¹ В дальнейшем автор намерен оформлять прямую речь и мысли героев повести без кавычек и тире, подчеркивая тем самым особое мышление Димичела, часто превращающееся в поток сознания. – А. К.

4

Пройдя основным руслом большой реки и легко преодолев два, уже достаточно мелких, переката, таймени свернули в протоку Кантор. Именно она, протока Кантор, и вела к теркам нерестилища. Ее можно было бы назвать второй рекой – протока тянулась из-под горы на несколько десятков километров. Но при впадении в основное русло протока заканчивалась перекатами, которые в жаркое лето пересыхали. И тогда вода в протоке застаивалась. Она становилась зеленой, и желтые листья покрывали ее заводи.

Именно здесь, в далеком и малодоступном для человека урочище, таймени и лососи откладывали свою икру. Кантор была протокой Таймери.

Весной мальки скатывались в глубины океана, и там они превращались в больших и серебристых рыб. Люди пытались определить способы и вычислить годы прекрасного превращения, а также и пути миграции лососей, но они никогда не могли понять, каким образом мальки через много лет находили путь обратно – в верховья протоки Кантор. Ведь они возвращались к месту своего рождения и проделывали путь, кажется, миллионы лет подряд, чтобы продлить род и здесь же умереть.

Люди ставили свои походные лагеря у входа в протоку. Они могли часами наблюдать, как лососи, разогнавшись, выпрыгивают на несколько метров, чтобы преодолеть мелководье перекатов. Брачные прыжки лососей фиксировались на фото- и киноплёнку, а потом демонстрировались в студенческих аудиториях и научных залах. Там, в душных залах, громко обсуждались хордовые и лучеперые, аппендикулярии и огнетелки.

Тайм и Тайма не могли прыгать так высоко. Они были слишком тяжелы для таких прыжков. Нужно было успеть подняться вверх до полного пересыхания перекатов, когда галечные косы перебинтуют тело протоки.

Тайм пускал Тайму первой, потому что удивительным образом она могла определять проходы в мелководье. Струи уже подогретой ярким солнцем воды обтекали большие и малые камни, но тайменям нельзя было идти в теплые струи. Даже не потому, что рыбы могли ободраться свои плавники и поранить бока. Они просто могли заплыть в тупик, из которого не было выхода. Только холодная струя горной реки означала, что проход для тайменей существует. И он свободен.

Тайма находила такие струи безошибочно и вела за собой самца. Никто из людей не видел, как таймени проходят мелководье, когда они плывут на икромет.

Усидчивые наблюдатели прыжков лососей сидели на перекатах, фиксируя в аккуратно разграфленных тетрадах не только рекордные высоты, но и каждый проход горбуши, кеты – летней и осенней, кижуча, нерки и даже чавычи – рыб породы лососевых, заходящих в реку на нерест.

Но в их научных дневниках наблюдений не было ни строчки про рыб, которых они называли тайменями. *Nucho taimen* – вот как они их называли между собой. Про хордовых, лучеперых, а также и про аппендикулярии они продолжали говорить между собой и на берегу тоже. Почти все свое свободное время, как будто ни о чем другом нельзя было говорить на берегу прекрасных горных рек.

Осенью таймени возвращались в основное русло реки, там они выбирали зимовальные ямы. Ни кижуч, ни кета, ни чавыча – не возвращались. Они погибали на терках, охраняя свое потомство. А *Nucho taimen* – возвращались всегда.

Люди науки, – они называли себя ихтиологами, – испытали бы настоящее потрясение, если бы они однажды увидели, как возвращаются таймени и как они проходят сухие к осени галечные каналы. Очень много отдали бы ихтиологи за то, чтобы хоть раз увидеть проход *Nucho taimen* через обмелевшие перекаты.

Перед каменными уступами в реке образовывались глубокие ямы. Таймени скапливались в них косяками, или, как сказали бы ихтиологи, стадами. Они стояли в прозрачной воде плотно, друг над другом, и если лечь на берег у такой ямы и заглянуть в ее глубину, то могло показаться, что это не коричнево-серебристые рыбы, а бревна-одномерки заполняют яму от самого ее дна почти до поверхности. Но на самом деле, конечно, не бревна, а самые настоящие таймени. Они ждали очереди для прохода через пережат. Они стояли неподвижно и лишь слегка шевелили плавниками.

А потом рыбы разгонялись, насколько позволяла длина ямы, выпрыгивали на галечник и катились по сухому руслу в сторону близкой уже воды. Аборигены, которые знали про жизнь рыб гораздо больше ихтиологов, но не называли их между собой салпами или пиросомами, обозначили древний способ передвижения тайменей словом «покат». С ударением на первом слоге. Они так и говорили друг другу: «Октябрь. Скоро таймени пойдут покато!»

Наверное, в тот момент можно было устраивать в устье протоки Кантор настоящую засаду и брать тайменей голыми руками. Ну, если и не голыми, то вооружившись хотя бы острогой. Но рыбаки никогда так не делали – их останавливала картина величественного стояния тайменей в ямах и их яростного стремления не погибнуть в затхлых водах нерестилищ, а непременно обрести свободу в чистом и холодном русле большой реки.

Местные никогда не делились своими секретными знаниями с ихтиологами. Должен же хоть кто-то на большой реке оставаться свободным, думали рыбаки, и почему бы таковыми не быть тайменям?

Тайм первым услышал характерный звук винтов вертолета.

Когда машина летела на большой высоте вдоль реки, шум ее мотора был похож на безобидный стрекот летних стрекоз. Но потом вертолет снижался и на бреющем шел вдоль реки. Люди, сидящие в машине, внимательно вглядывались в реку. С высоты им было хорошо видно, где стоят таймени. Винты вертолета неустанно лопатили воздух, и на реке возникала рябь. Вертолет прижимал тайменей ко дну. Люди выскакивали на ближайшей косе и тут же разматывали спиннинги и доставали серебристые блесны...

С большой высоты, когда люди высматривали тайменей, рыбы не казались такими огромными. Наоборот, они были похожи на детские карандаши, разбросанные по дну реки. А ведь таймени на самом деле были очень большими. Они были просто огромными. Детскими карандашами, разбросанными по две штуки, – ведь таймени ходят попарно: самец и самка, казались рыбы людям, наблюдающими за рекой с высоты полета. Очень часто они наблюдали за рекой в бинокли.

Когда вертолет снижался, шум его винтов уже не казался безобидным. Рыбы начинали метаться, забиваясь в ямы и под скалистые полки. Но и там безжалостные блесны с крючками-тройниками настигали их.

Тайм, первым услышавший шум лопастей вертолета, резко развернулся и почти вертикально ушел под скалу – последний каменный уступ каньона, где еще можно было спрятаться от людей. Дальше протока Кантор начинала петлять меж лесистых, но уже достаточно пологих сопок.

Тайма не поняла маневра своего самца – она не знала тех опасностей, которые доставляла на реку летающая стрекоза. Но она поплыла следом.

Опасения тайменей были напрасными. Маленький вертолет, похожий, конечно же, на стрекозу, низко опустив прозрачную кабину и задрав хвост, прошел над протокой Кантор. Вертолет двигался в сторону Большого каньона. В том месте скальные прижимы зажимали в себе большую реку в ее среднем течении.

Там, в пенном галстике двух протоков, сейчас резвился Тайми.

5

«Кёрхер», работая под давлением, бил тугой и сильной струей.

Скоро все было кончено. Управляющий, в отличие от старика-садовника, не мог отказать хозяину и быстро сделал неблагодарную работу. Управляющий никогда не был рыбаком, он был когда-то фотографом и знал, что в городе ему заняться будет нечем.

Он завернул Адель в грубую мешковину. Ему показалось, что собака была очень тяжелой, когда он грузил ее в рабочий автомобиль-каблучок, предназначенный для подвоза воды и продуктов.

Во дворе виллы Димичела была пробита артезианская скважина, но воду для питья возили в дом в пластиковых канистрах, и набирали ее из какого-то особенного ключа, где подземные струи были насыщены минеральными солями. Натуральная природная вода была минеральной. Вода с теми мелкими пузырьками, которые лопаются на языке и в гортани и от которых всякий раз возникает острое ощущение жизни.

Выше минеральных из-под земли били горячие ключи. Местные жители ходили туда лечить радикулит, ревматизм и простуду. У Димичела ни ревматизма, ни радикулита не было, но он следил за своим питанием и особенно за водой.

Ручей с минеральной водой находился как раз в том распадке, где хозяин велел закопать овчарку. Управляющий взял с собой несколько пустых канистр, чтобы на обратном пути набрать воды.

Когда он выехал из ворот виллы, навстречу ему попались две машины. Он узнал автомобиль врача – старенькую японскую «хонду» с правым рулем, и джип Димичела, посланный в город за Катрин и за сыном, прилетевшим к отцу на каникулы из очень большого города. Из другой страны. Сына Дими звали на славянский манер Иваном, но с ударением на первой букве.

Иван – вот как звали сына Димичела. Ему было семнадцать лет, он все время выдвигал нижнюю челюсть с твердым подбородком вперед, и над верхней губой у него пробивались усики, а на щеках пламенели юношеские прыщи.

Пока врач промывал медицинским спиртом рану на ладони Дими и заклеивал ее пластырем, а потом ставил первый укол из серии – против собачьего бешенства нужна серия уколов, пояснил он, и пока Катрин помогала Ивану разобрать дорожную сумку, они не говорили о произошедшем, хотя все почему-то сразу узнали, что Димичел убил не какую-то бродячую собачонку, а свою любимую овчарку Адель.

Потом сели за стол. Пока они ели овощной салат с сыром, а Дими выходил в кабинет, чтобы доктор послушал сердце, – ничего опасного, но как только вернетесь с рыбалки, то сразу ко мне, и мы устраним телефонный звонок, – и пока Димичел рассчитывался наличными и они договаривались о следующей порции уколов и о визите Дими в поликлинику, все делали вид, что ровным счетом ничего не случилось. Но Катрин, привлекательная молодая женщина, на вид лет двадцати семи – двадцати восьми, старалась поймать взгляд Дими. Катрин, как и многие женщины в ее округе, была склонна из-за религиозного воспитания – того самого, которое так интересовало Димичела, морализировать, и она никак не могла понять, за что Димичел убил ласковую и добрую Адель. Катрин была всегда благодарна собаке, которая охраняла их с Дими ночные радости.

Димичел отводил взгляд и раздраженно думал о том, что уж кто-кто, а Катрин могла бы и не останавливаться на его подмоченной случайным выстрелом репутации. Они встречались третий год, были любовниками, но Катрин не хотела бросать своего мужа – тоже из местных, пьянчужку и нытика. Весь городок знал о связи бывшего нефтяного олигарха с театральной художницей, дочерью бакенщика. Потому что муж Катрин, напившись водки в местной пив-

нушке, грозился поджечь виллу на мысу. Интересно, как он собирался поджечь дом? Каменный дом.

А еще он грозился пристрелить Катрин и ее любовника-богатея. И мог запросто исполнить свою угрозу, потому что работал охранником в банке – день через три – и имел разрешение на оружие.

Тот джинсовый молодчик, который разглагольствовал у ворот виллы о том, что богачи «развращают наших детей и жен», прекрасно знал, о чем говорит. Катрин не спешила переезжать к Димичелу в его каменную башню, объясняя свою нерешительность тем, что ее пятилетняя дочка безумно любит своего отца и ей, дочке, безразлично, пьяница он или нытик, потому что с каждой полочки он покупает ей нитяных кукол. Кукол, больше похожих на ведьм, делали местные мастерицы, у кукол были выпученные глаза-пуговицы. И каждую свою нитяную куклу она называла Китя. Китя маленькая, Китя большая, Китя-растрепка... На взгляд Димичела, все куклы из пряжи были растрепами. Кроме кукол и своего отца дочь Катрин любила еще котят. А американских кукол Барби, которых дарил ей Димичел, она не любила. Девочку звали Юлия. Но мама звала ее Юлой – за непоседливый характер.

Самой же Катрин нравились автомобили, она просто их обожала. И была очень хорошим водителем. Они и познакомились на городском шоссе, когда у Димичела заглох джип и он пешком пошел до ближайшего ресторанчика, чтобы позвонить своему механику, потому что мобильный телефон он оставил дома.

Ее серебристая машинка, кажется «жучок», с номером 302 притормозила у въезда в тоннель. Дими даже не поднимал руку. И она спросила, куда вам, наверное, ваш джип остался на двадцатом километре – это вы напрасно так сделали, его могут выпотрошить.

Так и сказала – «выпотрошить», как говорят про рыбу. Они тут все говорят и думают про рыбу. Димичел ответил, что вот, мол, двигатель заглох и нужно позвонить механику. Он отметил про себя привлекательность брюнетки, ее тонкие руки на руле машины, красивую шею и полуобнаженную грудь в низком декольте вечернего платья.

Дими любил женщин с тонкими кистями рук и большой грудью. Именно такой была его первая жена, но она, понятно, была блондинкой. У большинства блондинок большая грудь, а брюнетки обычно бывают гибкими. Но брюнетка в машине была и гибкой, и с хорошим бюстом.

Оказалось, что Катрин возвращалась с театральной премьеры. Она работает в местном драмтеатре художником. Она немного выпила с режиссером-постановщиком – у спектакля был потрясный успех, она так и сказала – «потрясный», а ведь она художник по свету и, значит, тоже имеет отношение к успеху.

Когда они, достаточно резко для узкого двухполосного шоссе и ее дамской машинки, проходили тоннель, Катрин – она сначала назвала себя Катей, но тут же, с легкой руки Димичела, стала Катрин, вдруг повернулась к нему и спросила...

Она спросила: «Вам никогда не приходило в голову желание резко повернуть руль, врезаться в парапет моста, и пробить его, и чтобы скорость была огромной, и упасть в реку?»

Из тоннеля они как раз вылетали на мост. Димичел увидел, как у красивой молодой женщины по имени Катя побелели пальцы на руле и как низко она склонилась к приборному щитку.

Он ответил, что нет, не приходило, и такого желания у него не возникало, а почему должно возникать такое желание?

Чтобы встретить наконец своего бога и ничего гадкого не видеть, ответила она. И, уже спокойно откинувшись на спинку кресла, рассмеялась, показав ровные белые зубы. Ни у кого из местных женщин Димичел не видел таких красивых зубов и таких тонких запястий.

А вы испугались, сказала она.

Что же такого гадкого может быть в жизни молодой и красивой женщины, подумал тогда Димичел, чтобы возникало желание разбиться?

Они не виделись больше года, потому что Катрин уезжала на работу в другой – большой город. И там она заработала кучу денег, и вернулась богатой, по местным, конечно, меркам, на красивом – опять серебристого цвета, но уже длинном – автомобиле, похожем на лосося. А на что еще, если не на лосося, он мог быть похожим в рыбацком городишке, стоящем на берегу лимана. На самом деле, она купила подержанную «японку». Секонд-хенд. Их возили на побережье партиями из близкой Японии. В их городе только несколько семей ездили на иностранных автомобилях. Они считались богатыми. Президент местного банка, начальник таможенного поста, командир Гидрографического управления – вице-адмирал в отставке, вертолетчик Минигул, да еще старый доктор, имеющий в здешних местах хоть и не богатую, но обширную клиентуру.

От нечего делать как-то вечером Димичел поехал в театр. Ставили неожиданный для здешней публики абсурдный спектакль Эжена Ионеску, кажется, его пьесу «Урок». В финале Катрин вместе с актерами и режиссером вышла на поклон. Он помахал ей из зала, и вроде она узнала его, а потом он купил букет белых роз и коробку конфет и, оказывается, угадал – она обожала белые розы и шоколадные конфеты, и прошел за кулисы. Они пили вино в прибрежном кафе, на веранде, откуда хорошо был виден мыс Убиенного.

Димичел скупо рассказал Катрин о себе. Она, конечно, спросила о том, что заставило его покинуть большие и прекрасные города, и о причинах его развода. Разумеется, ни про афроамериканца в спальне жены, ни про то, как он прижимался в тот свой первый вечер к распутной жене приятеля и коллеги, он не обмолвился ни словом. Он просто ответил, что жить вдали от достижений цивилизации, впрочем, как и от ее издержек, его жена Лизи не захотела.

А Катрин в свою очередь рассказала, что ей тридцать лет и она выросла в семье бакенщика, который каждый вечер зажигал фонари в лимане, и, может, поэтому она стала художником-осветителем. А потом у нее была свадьба, и у платья невесты, то есть у ее платья, сшитого из французского гипюра, был длинный шлейф. Она спокойно несла его на правой руке. А потом родилась девочка, и муж из морского мичмана, ходившего на военном гидрографическом судне, превратился в охранника частной фирмы, сейчас полстраны – в охранниках...

Через неделю Димичел снял маленькую квартирку недалеко от театра, и сначала они встречались там – один раз в неделю. На стенах квартиры висели бледные картины неизвестного художника – подделка под Камиля Писсарро, а еще там был старый, прошлого века, патефон. Они любили слушать пластинки с записями певцов, фамилий которых не знала даже Катрин – все-таки она была человеком нового поколения. А пьяный охранник кричал, что «твой подонок нас всех погубит», и грозился пристрелить Катрин и ее любовника. Наутро он валялся у нее в ногах, прося прощения, потому что любил и ее, и дочь. Димичел начал посылать в городок за Катрин свой джип и привозить ее в замок, чтобы муж был спокоен, потому что автомобиль-лосось в отсутствие Катрин стоял на стоянке. Что означало – она в театре, на работе, включает и выключает свои софиты.

Ночевать в доме Димичела она оставалась только в те дни, когда охранник выходил на объект. Он дежурил полные сутки, а потом три дня тихо пьянствовал.

За маленькой Юлой присматривала старуха – владелица съемной квартиры, старая сводница, она безоговорочно одобряла действия Катрин, потому что все местные мужчины, по ее мнению, могли добиться в жизни одного: поступить в охранники и купить лодку с японским мотором «тошиба», предел их мечтаний, а муж старухи так и не успел купить себе моторку – его по пьянке ударили гарпуном, рядом с сердцем, и он умер, не приходя в сознание, на берегу лимана. А ведь он был еще достаточно молод, чтобы так глупо умирать, а жена его потом быстро состарилась, хотя и была красавица, и она говорила Катрин, что Дими увезет ее отсюда и что у него есть не просто моторка с мотором «тошиба», а настоящая яхта, а охранник сам таскается по местным продавщицам, развратным шлюшкам, и она говорила, что надо узнавать

мир, потому что он широк. Димичел платил старухе в месяц двести долларов – она покупала себе бананы, красное чилийское вино и новые браслеты. Юла называла старуху баба Шуша, хотя на самом деле она была Шушанна, но можно было предположить, что когда старуха была молодой, ее звали Сусанной. Старуха шамкала впалым ртом и вместо «Сусанна» у нее получалось «Шушанна». Она говорила «шолнышко», «шобака» и «шамоштоятельный шеловек». Последнее относилось к Димичелу.

Как ты можешь доверять, спрашивал Димичел Катрин, воспитание своей дочери какой-то полуграмотной старухе? Ведь она и слова-то не может правильно произнести.

Катрин улыбалась и возражала, что суть воспитания заключается не столько в умении правильно произносить слова – что тоже важно, сколько в умении быть добрым и любить людей.

Ты знаешь, говорила Катрин, даже вице-адмирал из нашего города доверяет своего внука – маленького мальчика – Шушанне. Она – его официальная няня! Все знают.

Ну уж если официальная и если сам вице-адмирал, шутливо разводил руками Димичел.

Вице-адмирал в их городе существовал в единственном лице, он был авторитетным человеком. Рыбаки с коричневыми лицами и в тапочках-вьетнамках приходили к нему советоваться на предмет установки сетей-оханов на калугу в подводных каналах лимана, потому что вице-адмирал знал лоцию здешних вод. Он составлял гидрографию лимана и руководил работой того судна, на котором когда-то ходил в недалекое море муж Катрин. По пьянке он любил хвастаться своими походами, и он не признавал слова «плавал». Плавает говно в проруби, объяснял он собутыльникам в баре, а настоящий моряк – ходит.

По всей вероятности, он считал себя настоящим моряком. Почти – морским волком.

Дими свирепо ревновал Катрин к мужу, а она все не уходила от своего охранника, и оба мужчины – и бывший мичман, и бывший олигарх – ревновали ее до дрожания губ, до выхватывания пистолетов, до обещания повеситься и до пощечин и разбивания очков о каменные стены виллы.

Димичел кричал, что любая церковь, кроме мусульманской, осуждает двоеженство, что нельзя спать одновременно с двумя мужчинами, а на исповеди она должна будет признаться, и тогда ее не допустят к причастию. И, кричал он, пороки и разврат окружают его всю жизнь, именно от них он и сбежал на мыс Убиенного, но, видимо, никуда ему не деться от гадостей мира. Что же ему теперь, до конца своей жизни качаться на качелях?! Очки в тонкой оправе-проволочке летели в каменную стену. Назавтра он заказывал в Италии новые. Через интернет-магазин.

Катрин рыдала и просила больше не присылать за ней машину, она не понимала, о каких качелях он говорит и что есть вещи сильнее и выше любви – их нельзя переступать, и божились, что она не спит со своим мужем. Что было неправдой. Оба понимали. А через неделю все повторялось. Димичел давал через Катрин деньги на покупку лодки с мотором «тошиба», охранник замолкал на месяц. А через месяц пластинка играла снова, хотя и была уже порядком заезжена. Хотелось бы Димичелу понять, существует ли в мире иная музыка на тему любви и верности? Иногда он ловил себя на мысли о маргинальности своей последней и такой неожиданной любви. А кого он хотел встретить в здешних местах, где мужчины быстро спивались, а женщины после сорока превращались в старух? Королеву?! И тут же успокаивал себя. Катрин отличалась от всех местных. Во-первых, она была красива – говорили, что в мать, залетную актрису, которая недолго пожила с бакенщиком, а потом уехала на гастроли, да так и не вернулась. Катрин воспитал отец, высокий и до сих пор осанистый старик с седой шкиперской бородкой, тоже из бывших военных моряков. Димичел пару раз с ним случайно встречался в городе. Один раз они даже коротко переговорили. Бакенщик все знал и советовал Димичелу уезжать. Вместе с дочерью. «Здесь вам счастья не будет», – сказал старый шкипер и посмотрел в даль лимана голубыми, почти уже прозрачными глазами. Что-то он там видел, в зыбком

мареве, состарившийся вместе со своими просмоленными лодками, выброшенными на берег, этот пожилой человек, не потерявший мудрости. Димичел как-то сразу зауважал отца Катрин. Сидели летом на открытой веранде той самой пивнушки-бара, где по вечерам любили собираться местные рыбаки. Бакенщик кальянов не курил, лишь попросил угостить его стаканом рома.

Во-вторых, Катрин много читала и отличалась оригинальными суждениями, хотя закончила когда-то всего лишь Институт культуры, театральный факультет. Достаточно провинциальное учреждение, которое выпустило пару более или менее известных режиссеров и много массовиков-затейников, руководителей народных оркестров и самодеятельных студий. Димичел любил слушать рассказы и рассуждения Катрин.

Нет, все-таки он считал свою любовь настоящей и собирался связать с Катрин свое будущее. Он знал, что сможет воспитать ее дочку Юлу.

Атмосфера за столом сгущалась... Видите ли, ей не понравилось, что он убил свою собственную собаку за предательство. Дими даже не пытался теперь объяснять и рассказывать, что в общем-то он совсем не собирался убивать Адель. Суки только и делают, что предают, мстительно думал Димичел. Они сбиваются в стаи, чтобы защищать друг друга, поэтому она жалеет Адель. Она путается со мной уже три года и не может бросить своего импотента.

О муже Катрин – охраннике – он хотел думать именно как об импотенте.

Настроение испортилось окончательно, но Дими умел брать себя в руки, он умел не предаваться отчаянию и грусти. И он верил, что все у них с Катрин получится так, как задумал он. Не может быть иначе, говорил он себе, у меня все всегда получалось, мне нужно только действовать настойчивее, а потом Юла отвыкнет от своих растрепанных Китей, и она полюбит Барби, настоящую куклу.

Скоро прилетит вертолет, сказал Димичел, все сумки, палатки, лодка и спиннинги собраны, вам нужно проверить личные вещи, а ты, Катрин, посмотри продукты и лекарства. Не забудьте ящик со льдом.

Ты помнишь, Дими, что завтра к вечеру мне нужно вернуться в город, сказала Катрин. Он ответил, что помнит, и оскорбленно усмехнулся, потому что к завтрашнему вечеру ее охранник-пьяница вернется из банка домой, и она будет варить ему рыбный суп из горбуши, первой здешней рыбы, пришедшей на нерест. А какой еще суп они могут здесь варить? И может, он принесет очередную Китю своей дочке. А потом они уложат свою девочку спать, завозятся, как мыши, за занавеской, отделяющей их постель от маленького диванчика, на котором спит Юла, и...

Что – и?! Ведь он – импотент? Все алкоголики рано или поздно становятся импотентами.

Или – поздно?

Заезженная пластинка на старом патефоне начинала скрипеть ржавой иглой и заедать на оборотах.

Сегодня или завтра нужно будет окончательно расставить все точки над «и» в явно затянувшейся истории, подумал Димичел, а самое грустное заключается в том, что я люблю ее и бросить не могу.

Конечно, Катрин, мы к вечеру вернемся, повторил он и добавил что-то про погоду и про перевал, который может укрыться туманом, но он узнавал прогноз, и метеошаманы, по-прежнему работающие на той станции, которой когда-то управлял его отец, обещали чистое небо. До конца недели. Так что беспокоиться ей не о чем.

Ни Иван, ни Катрин не заметили, как он поднялся к себе в кабинет и достал из ящика письменного стола небольшую, красиво упакованную коробочку и сунул ее в карман своей старой гортексовской куртки, потому что новую, забрызганную кровью убитой Адель, пришлось оставить для стирки.

Иван, активно принимавший участие в сборах – он очень хотел попасть на рыбалку в Большой каньон и потому придирчиво осматривал всю экипировку экспедиции – по-юношески снисходительно заметил, что отец забыл взять с собой спутниковый телефон, портативный ноутбук и мини-телевизор, работающий на батарейках.

Замечание сына по поводу забытых гаджетов развеселило Димичела. Он засмеялся и ответил, что в тайге, на речной косе, почти нет связи – только через спутник, траекторию которого каждый раз приходится вычислять заново, и потом – на косе много других занятий, а на компьютерные игры времени не останется.

В тайге нужно жить по законам тайги, сказал сыну Димичел, разве тебе никогда не хотелось отдохнуть от машин и компьютеров в лесу или на реке? Там, на косе в Большом каньоне, сказал Димичел, у нас будет вода, огонь и большая рыба, которую ты поймашь сам. Поймашь обязательно, вот увидишь! Человек уходит из большого города в тайгу, чтобы раствориться в природе или хотя бы попытаться стать на время ее частью. Существует целая философия, и у костра я тебе расскажу о ней. Цивилизация и ее достижения часто возвращают человека...

Катрин вышла на веранду – проверить аптечку и посмотреть продукты, собранные управляющим в дорогу.

Безо всякого перехода Дими спросил у сына, как себя чувствует мама. Оба знали, о чем он спрашивает, бывшая жена Димичела Лизи увлекалась наркотиками и алкоголем. Иван – он был современным парнем – сделал небрежный жест рукой и ответил, что у мамы теперь новая забава – какой-то стареющий музыкант-битник, представляешь, он с косой и сережкой в ухе, из продвинутой группы «Флора», купленной известным олигархом, бывшим компаньоном Димичела по нефтяному бизнесу.

Она обещала прилететь за мной, сказал Иван, сразу после рыбалки. Кажется, она хочет поговорить с тобой о моем поступлении в университет.

Да, мы обсуждали с ней такую тему, ответил Димичел, наверное, ты будешь учиться все-таки в Лондоне, а не в Кембридже. И я буду жить вместе с тобой в нашем английском доме.

Ура, сказал Иван, и мама – тоже?

Нет, сын, жестко ответил Димичел, ты уже взрослый и должен все понимать. Скорее всего, мы купим маме другой дом или апартаменты в районе Кенсингтона. А жить вместе с нами будет другая женщина.

Возвращение к Лизи Корецкой не входило в планы Димичела. Умерла так умерла. Он хотел увезти в Англию Катрин и ее маленькую дочку. Внезапным отъездом он решал проблему досужих разговоров в городке и на мысе Убиенного и лишал ревнивого охранника возможности применить свое огнестрельное оружие. Поэтому он сделал так, чтобы Катрин полетела с ними на рыбалку и там, на реке, поближе сошлась с Иваном. Почему-то он был уверен, что они понравятся друг другу.

Почти год в режиме электронной переписки они обсуждали с бывшей женой новые условия содержания семьи и обучения сына. Лизи не соглашалась вот так, разом, лишиться дома, к которому она привыкла, и, самое главное, сына, а он настаивал, потому что считал: парень вступает в тот возраст, когда присутствие отца необходимо каждый день. А когда ты бросил нас, отвечала жена, ты не был нужен сыну каждый день? Да, наверное, ты права, не сдавался Димичел, но проблема заключалась в том, что в то время и тебе были нужны другие мужчины, например черненькие и фиолетовые, и любители дайвинга, ведь ты обновляла чувства. Как и ты, парировала Лизи.

Их дискуссия так ничем пока и не закончилась. Димичел согласился на прилет своей бывшей жены. И здесь он тоже собирался расставить все точки.

Иван ушел в ванную комнату и долго там возился. Он находился там так долго, что Дими вынужден был заглянуть к сыну и застал его за юношеским занятием: Иван, стоя перед зеркалом, выдавливал прыщи.

Димичел молча принес огуречный лосьон и кусочек ватки и сказал, что щеки нужно протереть, и еще он сказал, что это все пройдет само собой. Наступит такое время, когда это все пройдет.

Ты трогаешь сам себя в постели, спросил Дими сына.

Что ты имеешь в виду, покраснел Иван.

Ну, ты занимаешься самоудовлетворением, как занимаются все подростки в твоём возрасте, и я занимался, ничего тут нет постыдного.

Понимаешь, папа, у меня не очень получается с девушками.

Что не получается, ты с ними целуешься?

Да, все происходит, и уже довольно часто, но когда доходит до главного – ну, ты понимаешь, я не знаю, что делать дальше, у меня все начинает болеть.

Может, попробовать их уговаривать, а не действовать грубо? Например, целовать не только в губы...

Я так делал, сказал Иван.

Он не боялся откровенно говорить с отцом о своих проблемах. В их семье так было принято – с самого детства.

Все, чего ты так боишься и стесняешься, должно произойти само собой, или девушка может помочь тебе, объяснял Дими.

Но она, как правило, такая же неопытная, как и я. И она от страха стучит зубами.

Уверяю тебя – все получится. На земле нет ни одного мужчины, у которого не получилось бы. Только у больных – у импотентов. У них не получается. У них этот перепел просто не щебечет.

Он подумал об охраннике, муже Катрин.

Или щебечет? Скрип-скрип. Заунывная пластинка.

Между тем прилетел вертолет, и Минигул – так звали пилота, по национальности он был, кажется, татарин, но так же, как и Катрин, и ее муж-охранник, из местных, крепыш низенького роста, с серебристой головой-шаром, – помог грузить вещи в грузовой отсек, находящийся за стеклянной кабиной пилота.

Перед отлетом Катрин успела позвонить няньке и спросить, чем занимается ее маленькая дочка.

Она играет в швои нитяные куклы, отвечала Шушанна.

Поцелуй ее, попросила Катрин, и скажи, что завтра я вернусь.

Обязательно, ответила старуха, не волнуйся, она знает, что ты всегда возвращаешься.

Минигул был пилотом экстра-класса, он служил с Димичелом в одном десантном батальоне, там они и познакомились, и сошлись – молоденький лейтенант и опытный «дед», сержант-татарин. А потом Минигул выучился на вертолетчика и работал с Димичелом – еще в те времена, когда они месяцами жили в тундре, в ярангах у чукчей на берегу океана, разыскивая нефть.

Они так и не стали друзьями, соблюдая субординацию начальника и подчиненного, но приятельствовали. Когда Димичел ушел из компании, Минигул уволился тоже и некоторое время, пока не была построена площадка на крыше дома и не был куплен вертолет, работал диспетчером в местном аэропорту. Минигул был человеком самолюбивым и гордым, порой вредничал, и он полностью соответствовал поговорке «упрямый, как татарин», но вернее и надежнее напарника в таежных странствиях у Дими не было.

Димичелу нравилось, что они оба из лимана и оба хорошо знают реки, где водятся таймени. Минигул всегда «облавливал» Димичела, «облавливал» – так говорили местные рыбаки. То есть по длине и весу пойманные им рыбы были больше тех, которых добывал Дими, но Минигул никогда не бахвалился, и он мог в экстремальных ситуациях варить суп из полусгнив-

ших тундровых грибов, растирать кедровый орех в муку и замешивать его на речной воде, и добывать съедобные корни и луковицы каких-то сладких трав, и заваривать хвою стланика от цинги. Однажды они вдвоем целый месяц жгли костры и ели тушенку с ножа – по полбанки на брата – в яме под корневищем вывороченного ураганом дерева, пока люди с большой земли искали их не взлетевший вертолетик. Когда тушенка быстро закончилась, им пришлось убить и съесть охотничью собаку, которую они всегда брали с собой в таежные вылазки.

Минигул грузил сумки с продуктами и рюкзаки с вещами, ящики и коробки со льдом, инструментом и медикаментами и неодобрительно поглядывал в сторону Димичела, прикладываящегося к походной фляжке с виски. Однако скоро стало ясно, что осуждает он своего хозяина отнюдь не за виски. Наконец он не выдержал и пробурчал как бы для себя, под нос.

Лучше бы вы отдали ее мне, так-то оно было бы лучше, эту вашу Адель.

Вот что пробурчал пилот с короткими и кривыми ногами Димичелу.

А вы помните, как мы сожрали с вами лайку по кличке Найда, сердито и как бы тоже в пространство ответил Дими – за долгие годы они, в знак особого уважения друг к другу, так и не перешли на ты, предпочитая оставаться на вы, – и вы знаете, мы с вами даже не поморщились от собачьего мяса и нас не затошнило.

Мы бы умерли с голода, возразил Минигул, да и охотники нас не осудили тогда, ведь возникла такая жизненная необходимость: грибы уже кончились и ручки замерзли. Не надо было убивать Адель, доказывал пилот, она бы обрела во мне нового хозяина, ведь собака не виновата в том, что она собака и ей не дают охотиться. Когда собакам не дают охотиться, они нападают на куриц и откусывает им головы.

Все-то вы всегда знаете, сказал Димичел, не успеют приземлиться, как все всё уже знают. Она же напала на меня, и вы лучше меня знаете, что таких собак убивают сразу. Я передумал ее убивать, пришел мириться, а собака снова бросилась на меня. К тому же, говорю вам по чести, карабин выстрелил случайно. Я отшатнулся и стукнул прикладом о пол.

А предохранитель? – спросил Минигул, на секунду остановившись и посмотрев прямо в глаза человеку, с которым падал в вертолете, тонул в болотных окнах, спал в снежной яме, прижимаясь спина к спине.

В том-то все и дело. Предохранитель... Я забыл поставить винтовку на предохранитель.

Так-то оно так, пробурчал Минигул, отводя взгляд – не поверил, но только теперь будете себя корить, я же вас претлично знаю!

Ладно, примирительно сказал Димичел, что сделано – то сделано, оставим ненужный спор.

И еще он сказал, что полетят они знакомым маршрутом на косу в Большом каньоне, а забрать их надо будет... да, забрать нас надо будет на третий день, ближе к вечеру.

На последних словах Димичела пилот Минигул в потертой кожанке и брюках-камуфляж, заправленных в высокие, со шнуровкой, десантные ботинки, словно споткнулся и внимательно посмотрел в сторону Катрин, которая возилась, подбирая противостудные лекарства в баллончиках-спреях.

Они всегда всё знают, подумал Димичел, и про дочку Юлу, оставшуюся со старухой Шушаной, и про куклу Китю, и про охранника, который завтра вечером вернется с дежурства, и про Катрин, которая не придет домой к назначенному часу.

Я расставляю в нашей истории все точки над «и», думал Дими, и никто мне теперь не указ, даже такие нравственные пилоты, как Минигул, который получает у меня зарплату. Очень высокую зарплату. В несколько тысяч долларов. Здесь он не отягощается муками совести.

Но пилот произнес совсем другое. Он сказал, что таймени, по его расчетам, должны уходить из Большого каньона, и ничего там не поймает, потому что рыба пошла на икромет. Надо лететь в Малый каньон, ближе к протоке Манома.

Вот что вы за человек такой, Минигул, возразил Димичел, вы просто какой-то поперечный, нам надо в Большой каньон, я буду учить Ивана ловить рыбу в чистой воде, а не на ваших вечно вонючих терках-уловах, где можно задохнуться и даже воды в чайник не наберешь. И вообще не надо мне указывать, когда мне возвращаться домой, ладно?

Минигул сказал, что он понимает всё и не указывает, и он уважает своего хозяина, но никто, кроме него, уже не может возразить Димичелу, что совсем неправильно, нужно, чтобы кто-то возражал, вот он так и делает. И еще Минигул сказал, что пусть Иван садится рядом с ним, в штурманское кресло – он покажет ему сверху тайменей, а они с Катрин пусть садятся в грузовой отсек, расположенный за кабиной пилотов, там немного, конечно, болтает, но ему, Димичелу, не привыкать, а Катрин потерпит, ведь парню будет интересно посмотреть на тайгу, лиман и реку сверху, он все увидит в первый раз и полюбит так, как любят они – Минигул и Димичел.

И не забудьте взять карабин – медведи уже потянулись к реке жрать рыбу, ведь идет первый нерест.

Не забуду, ответил Димичел, будьте уверены, не забуду. И про предохранитель не забуду тоже.

Как только вертолет поднялся и взял курс на Большой каньон, Димичел придвинулся к Катрин. Он к тому времени уже изрядно выпил. Они полулежали на перевернутой резиновой лодке, заранее надутой. Он расстегнул штормовку Катрин и принялся целовать ее тяжелые груди, он их высвободил из-под спортивной майки.

Катрин сердилась и старалась увернуться, ведь грузовой отсек и кабину пилотов разделяла прозрачная перегородка, и она не хотела, чтобы Иван видел их забавы. Но Димичел уже тяжело дышал и настаивал, он вспоминал, как это происходило у него с женщинами в поездах, самолетах и каютах морских кораблей, а вот в вертолете никогда не происходило, и надо было бы попробовать. А почему – нет?!

И тогда Катрин взгромоздила несколько сумок и рюкзаков друг на друга, как бы отгораживаясь от кабины пилотов. Она покорно расстегнула пояс спортивных брюк и расшнуровала кроссовки. Но Димичел, сморенный алкоголем и еще чем-то, может быть, пережитым потрясением от того, что любимая собака напала на него и он ее пристрелил, неожиданно уснул – с расстегнутыми брюками и с очками, висящими на самом кончике носа.

Катрин печально смотрела на него и наконец сняла очки с его носа, застегнула гульфик на брюках Дими и прилегла рядом, потому что лететь нужно было два часа. И она стала думать о том, что никогда не сможет остаться с ним и доверить ему свою дочь.

Потом заплакала, потому что она знала, что любит Димичела и не любит своего дурака-охранника, но ведь уже ничего не поправишь?! И неизвестно, как ей выбираться из такой ситуации. Она плакала очень тихо, чтобы не разбудить мужчину, такого странного и такого непохожего на людей, среди которых она выросла и жила, и которого она полюбила слишком, как ей казалось, поздно, чтобы хоть что-то исправить в своей жизни. Некоторые молодые женщины действительно думают, что после тридцати все заканчивается.

Вертолет пролетал над протокой Кантор, и Минигул показал Ивану две тени в реке, похожие сверху на два детских карандаша. В переговорное устройство Минигул сказал, что внизу, похожие на карандаши, таймени – самец и самка, они парами идут на нерест в верховья, и что если они сейчас сядут на косу, то красивых рыб можно будет свободно поймать спиннингом на блесну.

Ну так давайте сядем, предложил Иван, и он увидел, как таймени, напуганные стрекотом вертолета, метнулись под каменные полки берега.

Не могу, ответил пилот, шеф – он так называл Димичела – велел лететь в Большой каньон, у нас может не хватить полетного времени.

Минигул покосился в сторону грузового отсека и увидел, что перегородка заставлена рюкзаками и сумками. Он покачал головой – его хозяин был сегодня в ударе.

Пилот был уверен, что Димичел не хотел убивать свою овчарку. Но он сделал так, потому что был Димичелом, сильным человеком, за которым всегда должны были идти другие.

Сознают ли свою ответственность такие люди перед нами – теми, кого они приручили и кого повели за собой?

Вот о чем думал Минигул, управляя вертолетом над протокой Кантор.

6

Вертолет летел в сторону Большого каньона. В том месте скальные выступы зажимали большую реку в ее среднем течении. Там, в пенном галстуке двух протоков, сейчас резвился Тайми.

Когда-то давно люди поднимались на косу в деревянных лодках, выдолбленных из ствола тополя, такие лодки назывались «ветками». Они начинали свой путь от мыса Убиенного, куда впадала горная река, и на шестах они шли против течения, обходя пороги и перетаскивая лодки через мелководье перекаатов. Люди были не слабее тайменей и к теркам пробирались тоже, что случалось уже зимой, ближе к Рождеству и Новому году, потому что жители таежных мест, особенно хозяйки, не могли себе представить рождественский стол без особенных котлет, приготовленных из зубатки.

Зубаткой называли лосося, самцов и самок, не погибших до поздней осени. Они без усталости кружили в ледяных проталинах, охраняя поля нерестилищ. Неважно, кижуч, кета или чавыча. Всех их люди называли зубаткой, потому что к зиме у самцов и самок отрастали желтые зубы, а ловили их на «подхват» – блесной с тройным крючком или, как говорили местные, «на смык», имея в виду леску, которой резко дергали, то есть смыкали, в дымящихся паром майнах, не замерзающих даже в декабре.

Никто не знал, почему река сковывалась льдом, а терки не замерзали. Многие думали, что только лосося помнят особые места нерестилищ, где вода не покрывается льдом до самых трескучих морозов, и только там из икринок могут появиться мальки, которые по весне скатятся в океан. Наверное, так оно и было, если помнить еще и про горячие ключи, которые били в истоках Кантор. Ихтиологи, наблюдающие за рыбами, называли верховья протоки Кантор природным инкубатором.

До терок люди шли долго и трудно. Сначала плыли на лодках-ветках до тех порогов, где еще кипела вода, потом лодки оставляли у домиков-зимовий, прислонив их к бревенчатым стенам, проконопаченным мхом-ягелем. Уже подбиралась зима, и дальше они шли на широких охотничьих лыжах, подбитых шкурами оленей, по очереди торили лыжню от зимовья к зимовью и заваривали в походном чайнике ветки лимонника.

Лимонник в изобилии рос по берегам протоки Кантор и даже зимой сохранял в своих стеблях бодрящие соки, сравнимые с теми добавками, которые употребляют современные спортсмены, желающие победить всех. Отличие местных рыбаков и охотников от спортсменов было в том, что свой стимулятор, а проще говоря – чай, заваренный на лимоннике, они употребляли, не таясь, и они знали, что все равно победят морозы, реку и поймают необходимую к их новогоднему столу зубатку. Даже если к тому времени, когда они сквозь метели и наледи проберутся к нерестилищам, проталины терок покроются первым ледком. Тогда они пробурят или пробьют специальным ломом, который здесь назывался пешней, лунки во льду и опустят туда свои немудреные снасти.

Пробираясь вдоль реки, по ее берегам, люди терпели лишения и преодолевали настоящие трудности: низкие температуры, туманы, дожди, позже – метели и заморозки, заломы из коряг и бревен, каменные осыпи и наледи – подмерзающие ручьи воды, кашу изо льда и мокрого снега, которую сильный – под тридцать градусов – мороз выдавливал из-под скал. Можно сказать, что они изо всех сил стремились к теркам, чтобы непременно добыть пару-тройку своих зубаток, мясо которых к тому времени было почти безвкусным и обескровленным. А между тем они проходили мимо зимовальных ям, где на большой глубине стояла благородная рыба – таймени. И достаточно было пешней долбить широкую лунку, опустить туда блесну на прочной леске, чтобы поймать вкусную, настоящую рыбу. Но люди были устроены странно. Они упорно шли за новогодней зубаткой, умирающей на икорных полях.

Фарш из зубатки для новогодних котлет готовился особым способом. Филе очищалось от костей, прокручивалось несколько раз в мясорубке и взбивалось до особой воздушности. Степень воздушности можно было бы сравнить с воздушностью крема, который хозяйки готовят миксером для домашнего торта. Только фарш из рыбы всегда взбивался не миксером, а вручную – особенной деревянной лопаткой.

Потом в рыбный фарш добавлялось сало диких свиней – кабанов, тоже прокрученное на мясорубке и обильно сдобренное диким же чесноком, растущим весной в расщелинах здешних скал. Очень важно было чеснок собирать в мае, потому что уже в июне стебли его уходили в стрелку и становились очень горькими, по вкусу напоминающими лекарство. В середину такой котлеты закладывался кусочек сливочного масла. Потом, во время жарки, он таял, и в котлете образовывалась полость. Считалось, что чем больше полость, тем удачливее на охоте и рыбалке будет тот, кому попадет такая котлета.

Размер и объем полости в приготовленной хозяйкой дома котлете приобретал мистическое значение и соответствовал той смеси языческих традиций и христианских верований, которыми отличалось местное население. Люди были уверены в том, что сила умирающих лососей чудесным образом передается им, что они будут такими же сильными, верными и гордыми, как приходящая на икромет рыба.

С годами необходимость добывать зубатку отпала. То есть зубатку пускали на фарш по-прежнему, но никто уже не пробирался таежными маршрутами, и никто не торил лыжню в верховья протоки Кантор, и никто не заваривал лимонник на таежном костерке, спрятанном от ветра и снега под корневищем вывороченной ели. На снегоходах, аэросанях, катерах-водометах, на глиссерах и на вертолетах люди обшаривали все реки, сопки и начинающуюся на севере, сразу за сопками, лесотундру. Они проникали в самые глухие места и брали рыбы и зверя столько, сколько могли увезти.

Тайм убежал от вертолета, и он прятал свою подругу, потому что люди, часто не утруждая себя забросами спиннинга, могли зависнуть над ямой и стрелять из автоматов по рыбам. Зимой они придумали выдалбливать щели-проруби длиной в десять метров. Они запускали туда сети-оханы, связанные из толстых веревок, и выволакивали рыбу на лед с помощью лебедок. Добытых тайменей они замораживали, а потом распиливали мотопилами на аккуратные пластины-кругляши. Острыми цепями они пилили тайменей поперек туловища и забивали круглыми кусками рыбы, похожими в своем сечении на ствольные спилы вековых деревьев, грузовые отсеки вертолетов и мощных тягачей, которые они называли вездеходами.

Во время нереста люди приходили на реку на моторных лодках и катерах-водометах, перегораживали сетями узкие протоки и выволакивали на берег неводы, набитые лососем. Здесь же, на косах, они вспарывали самок и центнерами, то есть сотнями килограммов, а иногда и тоннами, то есть тысячами килограммов, в специально приготовленном тузлуке солили красную деликатесную икру. И вывозили ее в город. Лососи все шли и шли на нерест, и тушки погибших под ножом самок устилали речные косы.

Медведям и росомахам теперь было необязательно пробираться сквозь буреломы в таежные урочища нерестовых терок. Они выходили на реку и обжирались гниющей на солнце рыбой. Тлен, витавший некогда только над нерестилищами, теперь ядовито клубился над нерестовыми реками.

Самые коварные браконьеры, истребляющие живую природу, придумали электродочки. На реку доставлялись мощные аккумуляторы – в основном для таких дел годились танковые батареи. Электрический разряд, пропущенный в воду с помощью удилища-сачка, уходил в толщу улова – глубокой ямы, где отстаивалась рыба. Оглушенная мощным разрядом, рыба всплывала на поверхность улова, и ее оставалось поднять с помощью садков. Речную мелочь, а также мальков, всплывающих сотнями и тысячами, не подбирали – убитая электричеством,

погибшая молодь смывалась рекой, забивая перекааты. И опять приходили медведи, лакомясь хариусом, сигом и ленками.

А ведь был еще тротил. И гексоген. Люди уже взрывали друг друга по всему миру, и однажды они решили взорвать рыбу на горной реке. То есть не то чтобы разорвать ее на куски, а просто оглушить до беспамятства, обездвигить ее. И вытащить на берег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.